

I 332.

ХРИСТИАНСКОЕ

ЧТЕНИЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА УДАЛОВЪ.

1883.

515
108

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ:

«Споры безпоповцевъ Преображенскаго кладбища и Покровской часовни о бракѣ». К. Надеждина. Спб. 1865 года.

(Статья шестая).

23 апрѣля 1867 года, въ „Общественномъ Покровскомъ домѣ“, находившемся въ Москвѣ, въ нынѣшнемъ 2-мъ кварталѣ Лесортовской части, собралось нѣсколько человѣкъ почетныхъ и влиятельныхъ поморцевъ. Не смотря на хорошую погоду, располагавшую всѣхъ и наждаго въ благодушiю, на лицахъ собравшихся замѣтна была какая-то тяжелая дума, видимо тяготившая представителей Покровской часовни. Прошло уже довольно времени; а между „ревителями“ брачной жизни все еще продолжало царствовать суровое молчанiе. Вдругъ растворяются двери и среди поморцевъ является нежданно-негаданно еедосѣвецъ,—и притомъ человѣкъ весьма близкiй къ Ковылину. Не безъ смущенiя отвѣчали покровцы на обычный привѣтъ вошедшаго. Припомнивъ грубую угрозу Ковылина, которою строитель Преображенскаго кладбища заключилъ бывшее за день

предъ тѣмъ собраніе еедосѣвцевъ и поморцевъ ⁽¹⁾ и для обсужденія которой собрались теперь послѣдніе, Скачковъ и его товарищи не могли ожидать себѣ ничего хорошаго отъ внезапнаго посѣщенія ихъ общественнаго дома клеветомъ Ильи Алексѣича. Когда же вошедшій объявилъ, что Ковылинъ проситъ къ себѣ въ домъ „Евстратія Ѳеодоровича и Максима Терентьевича“, поморцы пришли еще въ большее недоумѣніе. Отпустить къ „сильному въ злобѣ Ковылину“ своихъ почтенныхъ собратій и притомъ спустя одинъ только день послѣ того, какъ Илья Алексѣевичъ грозилъ „упечь“ всѣхъ покровцевъ въ такое мѣсто, куда воронъ костей не заноситъ, значило обрекать ихъ на всевозможныя и, быть можетъ, не совсѣмъ пріятныя случайности. Оставить же приглашеніе Ильи Алексѣича безъ вниманія значило еще болѣе разгнѣвать друга „владыки міра“ и вооружить его противъ всѣхъ членовъ Покровской часовни. Что оставалось дѣлать? Поморцы рѣшились на первое и уговорили Евстратія Ѳеодоровича и Максима Терентьевича отправиться въ домъ Ковылина, а сами остались въ „общественномъ домѣ“ ожидать ихъ возвращенія. Не веселы были покровцы и прежде прибытія къ нимъ посланнаго Ковылинымъ; теперь же они сдѣлались еще болѣе угрюмы и сосредоточены. Вопросъ: на что рѣшился „отличный бражоборецъ“ и для чего онъ пригласилъ къ себѣ Евстратія Ѳеодоровича и Максима Терентьевича, — занималъ теперь всѣхъ и никто, на основаніи прошлаго, не могъ дать на него успокоительнаго отвѣта. За то трудно изобразить радость поморцевъ, когда чрезъ нѣсколько часовъ возвратились къ

(1) См. Хр. Чт. вървъ стр. 570—572.

нимъ посланные къ Ковылину здравы и невредимы и объявили, что Илья Алексѣевичъ принялъ ихъ ласково и вручилъ имъ „за подписаніемъ своей руки экстрактъ“ — съ тѣмъ, чтобы покровцы „дали на оный безпристрастное разсмотрѣніе“. И понятна эта радость поморцевъ. Съ полученіемъ еедосѣвскаго „экстракта“ у нихъ снова явилась надежда на примиреніе съ грознымъ Ковылинымъ, а главное „разсмотрѣніе экстракта“ давало имъ случай разъ навсегда доказать ложность еедосѣвскаго ученія о всеобщемъ безбрачїи и — правильность безсвѣщенно — словныхъ браковъ Покровской часовни. „Экстрактъ“ былъ написанъ избраннымъ изъ цѣлаго общества еедосѣвцевъ человекомъ, котораго самъ Ковылинъ призналъ способнымъ на такое дѣло; онъ былъ одобренъ всѣми московскими еедосѣвскими „книжными“ людьми, а потому дважды читался поморцамъ, какъ обличеніе ихъ мнимыхъ заблужденій касательно брака; наконецъ теперь „экстрактъ“ былъ переданъ покровцамъ за собственноручнымъ подписомъ Ковылина отъ имени „всѣхъ христіанъ Преображенскаго кладбища“, какъ послѣднее слово ихъ въ пользу проповѣдуемаго ими безбрачїа. По всѣмъ этимъ причинамъ „экстрактъ“ имѣлъ значеніе не простаго еедосѣвскаго сочиненія, а составлялъ, такъ сказать, *profession de foi* преображенцевъ. Такъ и посмотрѣли на него поморцы. Не смотря на то, что и „выписки изъ сочиненій, объясняющихъ необходимость и принадлежность брака“, были „взяты въ экстрактъ невѣрною копїею и превратностію словъ и смысла содержанія подлинныхъ книгъ“, — не смотря на то, что еще прежде на всѣ возраженія еедосѣвцевъ противъ брака были написаны поморцами самыя обстоятельныя опроверженія, покровцы занялись теперь раз-

смотрѣніемъ „экстракта“, или, по выраженію „дружескихъ извѣстій“, „предложеній“ еедосѣвскихъ съ самымъ полнымъ вниманіемъ и писали на нихъ „объясненія и опроверженія“ почти цѣлые полтора года (1). Медленность, съ какою писали покровцы свои „объясненія“ на „предложенія“ еедосѣвцевъ, можно объяснить еще и тѣмъ, что еедосѣвцы требовали отъ нихъ на „экстрактъ не только что самыхъ рѣшительныхъ мыслей, но чтобы всѣ показанія были“ даны какъ бы „предъ самымъ Всевидящимъ Окомъ во всемъ чисты, праведны и во святой истинѣ“, т. е. требовали отъ поморцевъ также въ извѣстномъ смыслѣ „исповѣданія“ ихъ вѣры. Къ 28-му сентября 1808 г. „объясненія“ поморцевъ были уже готовы и въ этотъ же день Никифоръ Петровъ, Савва Васильевъ и Гавриилъ Иларіоновъ Скачковъ, сдѣлавшіеся по смерти Емельянова настоятелемъ Покровской часовни, посылаютъ на имя „Ильи Алексѣича (Ковылина), Сергѣя Яковлевича и Луки Терентьевича увѣдомленіе“, въ которомъ извѣщаютъ ихъ о своемъ полномъ согласіи „въ прекращенію взаимныхъ разномыслий“ и о томъ, что „объясненія“ на присланныя еедосѣвцами „предложенія совсѣмъ готовы“ и что „теперь остается только обще назначить въ сообщенію оныхъ“ преображенцамъ „свободный день, способное мѣсто и

---

(1) Въ „дружескихъ извѣстіяхъ“ (Срав. обзор. 1863 г. т. II. стр. 217—234) сказано, что „предложенія“ еедосѣвцевъ были доставлены поморцамъ 23-го апрѣля 1807 г., а о времени увѣдомленія о написаніи послѣдними „объясненій“ замѣчено только: 28 сентября 18... года; но въ „исторіи обновленія молитвеннаго храма въ Москвѣ въ Покровской улицѣ“ (Сборн. Публ. библ. № 473, рук. соч. подъ № 28) прямо сказано, что поморцы увѣдомили еедосѣвцевъ о написаніи своихъ „объясненій“ въ сентябрѣ 1808 г. На ту же впрочемъ мысль невольно наводятъ и нѣкоторые выраженія „дружескихъ извѣстій“.

надлежащій сему порядку“. Но, зная изъ прежнихъ собесѣдованій съ еедосѣвцами нерасположенность Ковылина и подчиненныхъ ему „стариковъ“ вести пренія о спорныхъ предметахъ чинно и благопристойно и желая обезопасить себя отъ какихъ-либо новыхъ дивныхъ выходовъ со стороны раздражительнаго и неумѣвшаго въ гнѣвъ владѣть собой Ильи Алексѣича, покровцы, предоставляя преображенцамъ назначить мѣсто и день для будущаго „церковнаго дѣйствія“ между ними, съ своей стороны сочли нужнымъ указать порядокъ какаго они желали бы держаться при сообщеніи своихъ „объясненій“ еедосѣвцамъ. Съ этого цѣлю поморцы присоединяютъ къ „увѣдомленію“ цѣлый рядъ статей, въ которыхъ до мельчайшихъ подробностей опредѣляютъ условія, на которыхъ они согласны вести дѣло взаимнаго обмѣна мыслей. Вотъ сущность этихъ условій: такъ-какъ споръ о бракѣ шелъ главнымъ образомъ между поморцами и еедосѣвцами и „экстрактъ“ или „предложенія“ съ требованіемъ на нихъ „объясненій“ были присланы покровцамъ преображенцами, то, писали поморцы, и собраніе для передачи „объясненій“ должно состоять только изъ еедосѣвцевъ и покровцевъ. „Количество собранія, продолжали поморцы, не должно жалостію ограничиться, поелику взаимныя противорѣчія доселѣ въ насъ продолжавшіяся, коснулись весьма чувствительно цѣлыхъ обществъ нашихъ. А посему и сіе дѣло имѣетъ отношеніе уже на цѣлыя наши общества, а не на нѣкоторыхъ токмо изъ оныхъ, то и надлежитъ оному составиться, колико отъ котораго словія явятся къ сему расположительны и сколько позволятъ пространство покоя“. Впрочемъ поморцы соглашались допустить къ собранію и раскольниковъ дру-

гихъ толковъ, если бы захотѣли того еедосѣвцы. Что касается „самаго внутренняго круга собранія“, то покровцы требовали, чтобы онъ составился изъ „десяти предсѣдателей отъ каждаго сословія по пяти человекъ въ сіе званіе своими обществами удостоенныхъ“; всѣмъ прочимъ назначалась роль слушателей, которые обязывались хранить „спокойствіе, тишину и скромность“, рискуя въ противномъ случаѣ быть выгнанными изъ собранія,—чему подвергался и каждый „предсѣдатель“, если бы онъ вздумалъ нарушить спокойствіе. Такъ какъ собраніе назначалось „не для словопренія, а единственно токмо для сообщенія“ еедосѣвцамъ „объясненій“, написанныхъ поморцами, то возраженія въ немъ не допускались, и все ограничивалось простымъ чтеніемъ „статей“ и притомъ не болѣе одного раза; только въ случаѣ желанія котораго-либо изъ предсѣдателей позволялось „повтореніе“ той или другой статьи. „Объясненія“ поморцы предполагали вручить еедосѣвцамъ за подписью своихъ „предсѣдателей“, съ тѣмъ, чтобы въ полученіи ихъ дали росписки и всѣ „предсѣдатели“ еедосѣвскіе. Въ концѣ концовъ поморцы требовали, чтобы въ теченіи 15-ти дней со времени полученія „объясненій“ еедосѣвцы увѣдомили ихъ, согласны ли они съ „объясненіями“; въ случаѣ же несогласія они обязывались „въ продолженіе 12-ти мѣсяцевъ“ представить на то „свято-законныя и надлежащія причины, хотя въ краткихъ словахъ“. Съ такими-то условіями, изложенными въ 20 статьяхъ, отправили поморцы свое „увѣдомленіе“ еедосѣвцамъ о томъ, что „объясненія“ ихъ готовы. Увѣдомленіе было послано съ Лаврентіемъ Федотовымъ, который и вручилъ его Сергѣю Яковлевичу. И хотя поморцы просили еедосѣвцевъ доставить имъ

въ полученіи „увѣдомленія записку съ означеніемъ получателя, года, мѣсяца и числа“; но Сергѣй Яковлевичъ такой записки дать не „соблаговолилъ“. Какъ же приняли „увѣдомленіе“ покровцевъ еедосѣвцы и согласились ли они на общее „собраніе“ въ томъ порядкѣ, въ какомъ предлагали его поморцы?

Еще прежде, чѣмъ успѣли поморцы написать свои „объясненія“ на „предложенія“ еедосѣвцевъ и увѣдомить объ этомъ преображенцевъ, Ковылинъ понялъ свою ошибку, которую онъ допустилъ, передавъ покровцамъ „за собственно-ручнымъ подписомъ экстрактъ“ еедосѣвскій для „разсмотрѣнія“. Какъ ни упрямъ былъ Илья Алексѣевичъ въ своихъ мнѣніяхъ, какъ ни старался онъ показывать всѣмъ и каждому увѣренность свою въ справедливости проповѣдуемаго имъ безбрачія, но въ совѣсти онъ не могъ не сознаться, что въ ученіи поморцевъ о бракѣ много правды; не могъ онъ, по крайней мѣрѣ, забыть того, что при прежнихъ преніяхъ съ покровцами если и оставалась побѣда за еедосѣвцами, то побѣда не истины надъ ложью, не ума надъ невѣжествомъ, а побѣда грубой силы бракоборцевъ надъ деликатностью защитниковъ брачной жизни. Расчитывать теперь на силу и ею побуждать поморцевъ было невозможно. Споръ изъ области личныхъ преній, состоявшихъ, какъ мы видѣли, со стороны еедосѣвцевъ въ крикахъ, брани и разнаго рода дикихъ выходкахъ, переносился теперь въ область литературной полемики, не допускающей кулачной расправы, и притомъ обставлялся такою торжественностью и гласностью, что побѣда той или другой стороны должна была „чувствительно коснуться цѣлыхъ обществъ“ спорившихъ. Успокоивать же себя тѣмъ, что покровцы

не найдутся что сказать противъ еедосѣвскаго „экстракта“, значило предаваться мечтамъ, которыя были не по лѣтамъ для семидесятипятилѣтняго Ковылина; поморцы не разъ уже доказали, что въ литературной полемикѣ они не имѣли себѣ соперниковъ. Соображая всё это, мы рѣшительно не можемъ объяснить себѣ, какъ практически-умный Ковылинъ рѣшился обратиться для рѣшенія спорнаго предмета къ такой мѣрѣ, которая не обѣщала ничего, кромѣ пораженія и притомъ гласнаго, торжественнаго, окончательнаго. Правда, Илья Алексѣевичъ былъ, по выраженію Любопытнаго, „муж смѣлый“; но ставить, какъ говорится, на одну карту вопросъ, занимавшій всю безпоповщину цѣлое столѣтіе,—это, по нашему мнѣнію, уже не смѣлость, а неблагоразуміе, или вѣрнѣе: признакъ отчаянія. По всей вѣроятности, Ковылинъ, обсудивъ все хладнокровно, такъ и понялъ дѣло. Иначе ничѣмъ нельзя объяснить попытку его возвратить отъ поморцевъ переданный имъ „экстрактъ“ прежде его разсмотрѣнія. Но покровцы были слишкомъ умны, чтобы не воспользоваться преимуществами своего положенія. Они не возвратили Ковылину экстракта, не смотря на угрозу послѣдняго вытребовать его отъ нихъ чрезъ оберъ-полицеймейстера. „Яко левъ рыкнулъ“ Илья Алексѣичъ, когда посланный сообщилъ ему о своей неудачѣ, и сказалъ: „не допущу адскихъ дѣтей на кладбищѣ хорониться“. Достаточно однихъ этихъ словъ, чтобы понять, какъ скверно чувствовалъ себя Ковылинъ въ то время, когда поморцы писали на его экстрактъ свои „объясненія“. Когда же 28-го сентября 1808 г. Сергѣй Яковлевичъ передалъ ему „увѣдомленіе“ покровцевъ съ указанными выше статьями, излагавшими условія, на кото-

рых поморцы соглашались передать преображенцамъ свои „объясненія“,—гнѣвъ Ильи Алексѣича на покровцевъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ. Онъ увидѣлъ, что поморцы такъ обставили дѣло, что заранѣе могли торжествовать свою побѣду надъ еедосѣвцами. Что же? Ужели гордому Ковылину,—„другу вельможъ, въ церкви (т. е. въ еедосѣвскомъ расколѣ) патріарху, а въ мірѣ—владыкѣ міра“ (выраженія Любопытнаго),—смириться предъ какимъ-либо Скачковымъ и подобнымъ ему и сознаться предъ всѣми, что его ученіе о всеобщемъ дѣвствѣ—ложь, самая гибельная по своимъ послѣдствіямъ, какъ и доказывали это поморцы? Это было бы честно со стороны Ильи Алексѣича, но невыгодно для его „славы, какъ отличнаго бракоборца“,—славы, „гремѣвшей и въ Москвѣ и въ Петрополѣ, и въ Ригѣ и въ Астрахани, и въ Нижнемъ и въ прочихъ странахъ благочестія“. И вотъ, для поддержанія своего авторитета, Ковылинъ, самъ вызвавшій поморцевъ на „объясненія“, начинаетъ теперь рѣшительно уклоняться отъ предложеннаго ими собранія,—и, не смотря на просьбу поморцевъ—извѣстить ихъ „о согласіи и несогласіи къ собранію“ еедосѣвцевъ въ теченіи 10 дней со времени полученія преображенцами „увѣдомленій“, не даетъ имъ никакого отвѣта—въ продолженіе 13 дней. Но покровцы не на шутку трудились надъ своими „объясненіями“ цѣлые полтора года. Не смотря на упорное молчаніе Ковылина, не смотря даже на распространившіеся слухи, „яко бы начальники“ преображенскаго кладбища „ничего уже по сему дѣлу“ отъ поморцевъ „принять не хотятъ и заведенное хотя и самими оными дѣло, однакожь обще рѣшить уже нынѣ не согласны“, они посылаютъ 12 октября Ковы-

лину „второе увѣдомленіе“, въ которомъ снова напоминають ему о его „собственной волѣ и произвольномъ согласіи рѣшить и прекратитъ взаимное противорѣчіе и постановитъ на непоколебимыхъ и святозаконныхъ основаніяхъ единообразное познаніе вещей, къ благочестивому наблюденію необходимо надлежащихъ“, и— снова требуютъ собранія. Это „увѣдомленіе“ передано было Лаврентьемъ Ѳедотовымъ самому Ковылину на преображенскомъ кладбищѣ. Но „тутъ уже Ковылинъ не яко сильный борецъ являшеса, но яко немощнѣйшій—отъ сильнаго борца удаляшеса и яко муха въ сѣти паучивныя увязшя журчаше, не допущу быть собранію,—что и было имъ выполнено и отвѣта отъ него, ни письма не было“. Не смотря впрочемъ на такое явное уклоненіе Ковылина отъ собранія, поморцы рѣшились 23-го октября еще разъ написать преображенцамъ „увѣдомленіе“ въ томъ же родѣ, какъ и два первыя. „Третичное сіе сношеніе, будемъ говорить дальше словами покровцевъ, тогожь 23-го дня октября препровождено было съ тѣмъ же Лаврентьемъ Ѳедотовымъ, отъ котораго принялъ Лука Терентьевичъ, въ большей часовнѣ, во время панихиды, получа же, отнесъ къ Сергѣю Яковлевичу; оба же они въ часовнѣ жъ, останова подателя, и своими руками вложили оное къ нему въ пазуху и сказали: мы не примемъ, поди подай самому хозяину Ильѣ Алексѣичу. И такъ податель со вложеннымъ доставленіемъ отправился и къ Ильѣ Алексѣичу, однакожь какъ того 23-го дня, такъ и 24-го ч. ни на кладбищѣ, ни въ домѣ не имѣлъ случая видѣть его. Двадцать же пятого числа того же октября Лаврандій Ѳедотовъ, исполняя вѣрно возложенное на него препорученіе, лично успѣлъ сію третью по-

сылку передать самому Ильѣ Алексѣвичу въ его домѣ въ палатахъ; однакожъ, что случилось тутъ надъ сямъ третичнымъ доставленіемъ и съ подателемъ онаго, тутъ открылось для нихъ - не такъ то пріятное обстоятельство, ибо канверты и не распечатавши со вложеннымъ увѣдомленіемъ проворными руками Ильи Алексѣевича въ мелкіе клочки были разщипаны, а подателю оныхъ отъ быстрой и жестокой его руки крѣпкими сгибами и угловатыми клочками съ сургучемъ влѣплены въ лице удары, кои дали восчувствовать изрядную боль и оставили на лицѣ знаки; ударяя же его таковымъ образомъ, ушелъ отъ него въ другую комнату, а клочки, отскочивъ отъ лица, разлетѣлись по полу. Таковымъ явленіемъ удивлены были тогда два прикащика его, два рабочихъ человѣка и одинъ господскій слуга, въ то время тутъ же случившіеся, видяще разщипанное письмо и старика, выходящаго съ запечатаннымъ лицомъ. Лаврентій Федотовъ, съ начертаннымъ лицомъ, пришедши отъ Ильи Алексѣвича къ пославшимъ его, возвѣстилъ обо всемъ, что съ нимъ случилось при доставленіи третьяго сообщенія. По другому свидѣтельству, дѣло было нѣсколько иначе. Разорвавъ письмо на клочки, Ковылинъ будто-бы такъ сильно ударилъ ими подателя, что „и носъ осанилъ ему до крови и такія слова сказалъ: поди отсюда, адскій сынъ! Снабженный же (посолъ) Христовою вѣрою смиренномудро рече: прости Христа ради! Я есмь посланный къ вамъ; но знай, стѣна повапленная, хотя сіе пятно не велико, но памятно! Съ конемъ знакомъ и тремя отъ письма щипками къ пославшимъ его воротился, чего и не ожидали.“ Что оставалось дѣлать поморцамъ послѣ такого безразсуднаго поступка Ковылина? „Видя столь несообразныя обстоятельства

въ общемъ семь дѣлъ, отъ оныхъ начальниковъ пронашедшія, замѣтивъ изъ сего быти въ нихъ тѣмъ отращенію отъ объясненій и отъ порядка къ нимъ сообщенія оныхъ и вмѣнявши по сему взаимную связь быти сямъ ими прерванною, покровцы нашлись вынужденными „дать обо всемъ во извѣстіе своему согласію“, что и было ими исполнено 12-го ноября въ общественномъ молитвенномъ храмѣ. А такъ-какъ едосѣвцы, не ограничившись тѣмъ, что сами уклонились отъ собранія, — разослали еще „въ различныя и многія страны экстрактъ“ съ прибавленіемъ такого рода, будто поморцы не нашлись, что сказать противъ него и остались „безгласными о всемъ, что владѣищемъ требовалось“, то, чтобы „пріостановить такія противныя приглашенія и обратить ихъ вспять въ тѣ убѣжища, изъ коихъ онѣ происекли“, и покровцы рѣшились не скрывать болѣе своихъ сношеній съ преображенцами и обо всемъ вышеизложенномъ разослали „дружескія извѣстія“ ко всемъ своимъ единовѣрцамъ, жившимъ внѣ Москвы, чтобы каждый изъ нихъ, въ случаѣ какихъ-либо ложныхъ слуховъ о происшедшемъ, могъ безъ труда опровергнуть ихъ и — возстановить истину. Что же касается „обязанностей“, на которыя поморцы потратили столько „ума, свѣдѣнія и разсудка“, то, не желая, чтобы трудъ прецалъ даромъ, они объявили, что „считаютъ за благочестивую обязанность допустить въ оныя“ каждого едосѣвца, который бы пожелалъ „получить ихъ въ предъназначенномъ порядкѣ, или (просто взглянуть въ нихъ и узнать существо ихъ“ (1). Разумѣется,

(1) Въ нѣк. свидѣніи нѣтъ тамъ словъ „дружескія извѣстія“ (см. „Прев. Обзоръ“ 1863 г. т. 11, стр. 217—234) и изъ рукописи подъ названіемъ „исторія о бывшемъ съ Ильею Алексѣичемъ Ковылякомъ разговорѣ“ ч. I.

это объявлялось съ цѣлю склонить менѣе упорныхъ и болѣе разсудительныхъ едосѣвцевъ на сторону Покровской часовни.

Что же дѣлалъ въ это время Ковылинъ, такъ опрометчиво затѣввшій борьбу съ покровцами и такъ постыдно обратившійся съ бѣгство при первомъ нападеніи ихъ? Онъ не могъ не сознавать, что гласныя заявленія поморцевъ о послѣднихъ сношеніяхъ ихъ съ едосѣвцами, доказавшими своимъ уклоненіемъ отъ собранія крайнюю свою несостоятельность, должны были произвести непріятное впечатлѣніе на сторонниковъ Преображенскаго кладбища, особенно тѣхъ, которые жили въ провинціи, и потому самому менѣе чувствовали на себѣ давленіе авторитета Ильи Алексѣича и его „проворныхъ рукъ.“ И вотъ, чтобы ослабить это впечатлѣніе, которое могло расположить ингородныхъ едосѣвцевъ въ пользу Покровской часовни, Ковылинъ 25-го февраля 1809 г. созываетъ на Преображенскомъ кладбищѣ соборъ, на которомъ постановляются три опредѣленія касательно „староженовъ, поповинокъ, и вѣрныхъ (т. е. едосѣвцевъ), просто сошедшихся для сожитія,“ и эти опредѣленія рассылаются по всѣмъ ингороднымъ едосѣвскимъ общинамъ „къ непремѣнному и строгому оныхъ исполненію каждому въ едосѣвскомъ согласіи христіанину состоящему.“ Вотъ эти опредѣленія: 1-е касательно староженовъ, т. е. вѣнчавшихся въ православной Церкви до перехода въ расколъ и послѣ обратившихся въ едосѣвщину: „егда обратится отъ нечестія къ благо-

---

поморскаго согласія христіанъ о произшедшемъ несогласіи ихъ и о вечернихъ едосѣвцахъ, что бы аще иже брѣха чужеземный расколъ существо свое быти дошли имѣть“ (см. Сбор. Публ. библ. подъ № 473, рук. № 26).

честію обѣ части, т. е. мужъ и жена, или хоть
едина часть изъ оныхъ, да не разлучаются, но оба-
че да крапятъ себи на всякое время отъ совокуп-
ленія плотскаго и да живутъ въ чистотѣ и дъл-
мудріи, имѣя въ памяти о семъ, что не видятъ и
не слышатъ благословенія отъ лица священническа-
го въ чадородію. И за неимѣніемъ лица сего да
удержатся всяко. Аще ли же за снѣмъ преступятъ обѣща-
ніе свое и падуть, и обличена будетъ жена неправдою,
и съ того времени да отлучатся отъ правовѣрныхъ. И
по рожденіи младенца наказуются сорокадвѣд-
нямыи наказаніемъ отъ отца духовнаго тысящныи пра-
вилоу. По прошествіи же сего времени приемятся въ
церковь. По второиъ же и по третіемъ паденіи и да-
лѣе, таковыиъ же правилоу наказуема бывають съ
прибавленіемъ:—въ память имъ даетъ отецъ духовный
о соблюденіи чистоты временную епитимию, смотря по
ихъ житію, сколько ему рассудится^а; 2-е—о половни-
цахъ, т. е. о тѣхъ раскольницахъ, которыя вступали
въ бракъ съ православнымъ лицомъ посредствомъ вѣн-
чанія: „егда обратится отъ нечестія мужъ невѣрный въ
правовѣрїю и крестится, отъ инимыя жены своей рас-
пустомъ да разлучится и во единомъ дому да не пре-
бываютъ—для того, что имѣеть у себя въ дому явную
всей церкви во Апостолу блудницу. За храненіе же
оной да не приемятся въ церковь,—ни въ покаянію.
Аще ли же отступитъ отъ нея, да причтенъ будетъ съ
правовѣрными. А егда ининая его жена обратится въ
церкви (т. е., вѣроятно, раскается въ томъ, что всту-
пила въ бракъ и притомъ съ инимовѣрнымъ) тог-
да наказуема да будетъ отцемъ духовнымъ и связуема
епитимією по рассужденію его; мужъ же той отъ всего

того наказанія чистъ есть и правъ отъ святаго крещенія, — и тѣмъ объ части спасутся“; 3-е — „о вѣрныи спедшихся,“ т. е. о едосѣвцахъ, вступившихъ въ сожитіе съ избранными ими женщинами безъ вѣнчанія, или даже съ вѣнчаніемъ по обрядамъ покровской часовни: „таковіи отнюдь не приеждотся въ церковь (т. е. въ едосѣвское общество) и съ приносими ихъ, о конхъ святый Ап. Павелъ ясно вѣвѣщааетъ, ниже ясти съ ними велительотнуеть (только раскольники способны ковать такіа слова); обаче егда обратитса къ покаянцю, всячески да разлучатса другъ отъ друга распустомъ и яко чужди между собою да будутъ и зазора къ свиданію полны, вторые по покаянціа за первое свое преслушеніе и за дерзость беззвинія къ совокупленію связуеми бывають отцемъ духовнымъ епитимією, смотря на ихъ обращеніе и усердіе за явное ихъ блудодѣаніе, и тако симъ очистатса“ (1). Какъ подѣйствовали эти опредѣленія на иногороднихъ едосѣвцевъ, объ этомъ мы скажемъ послѣ; а теперь обратимъ вниманіе на другую сторону предмета. Разматривая опредѣленіе едосѣвскаго собора 1609 г. о такъ называемыхъ „староженатъ“, нельзя не замѣтить въ немъ особенной снисходительности къ лицамъ, вѣнчавшимся въ православной Церкви до перехода ихъ въ расколъ. Тогда какъ 45-я статья польскаго едосѣвскаго устава назначала подобнымъ лицамъ отлученіе отъ общества за первое рожденіе на полгода, за второе — на годъ, за третье — на два гда, да за очистительныя молитвы 3000 поклонень земли, —

(1) Эти правила помѣщены въ рукоп. сочин. № 23-й подъ названіемъ: „защитеніе церковнаго цѣломудрія“, см. сбор. публ. библ. № 473-й; свес. „что такое современное старообрядчество въ Россіи,“ — сочин. Подорова М. 1866 г. стр. 35—36.

соборъ еедосѣвскій 1809 г. опредѣлилъ за каждое рожденіе безразлично подвергать виновныхъ только сорокодневному посту съ 1000 поклоновъ. Итакъ поступилъ соборъ, на которомъ присутствовалъ Ковылинъ, обвинившій нѣсколько лѣтъ назадъ, что браки, вѣнчанные въ православной церкви, — блудъ предъ Богомъ, достойный вѣчнаго огня, и опредѣлившій подобныя браки расторгать безъ всякихъ ограниченій ⁽¹⁾, а несогласовавшихся на подобное расторженіе и безусловное дѣвство — не принимать въ еедосѣвское общество ⁽²⁾. Чѣмъ объяснить эту непослѣдовательность Ильи Алексѣича и его послушныхъ товарищей по кладбищу во взглядѣ на брачное сожитіе? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ служить дальнѣйшій разговоръ о томъ, что происходило въ это время въ иногороднихъ еедосѣвскихъ общинахъ.

Какъ ни старался Ковылинъ доказывать своимъ единовѣрцамъ необходимость всеобщаго дѣвства, какъ ни обставлялъ онъ свое ученіе о безусловномъ безбрачїи разнаго рода указанїями на послѣднія времена міра, на царствованіе Антихриста, на отсутствіе въ безпоповщинѣ православнаго священства и проч. и проч..., тѣмъ не менѣе доктрина эго была слишкомъ сурова, чтобы можно было надѣяться на полное или, по крайней мѣрѣ, долгое осуществленіе ея въ жизни цѣлыхъ массъ народныхъ. Въ то время, когда расколъ страдалъ подъ вѣсомъ разнаго рода преслѣдованій, мысль о дѣвствѣ еще могла имѣть практическое приложеніе, избавляя невольныхъ дѣвственниковъ отъ излишнихъ за-

(1) См. „Христ. Чт.“ 1866 г. декабрь, стр. 783—784.

(2) „Чинъ оглашенїа входящихъ въ православную вѣру“. Сборн. для ист. старобур. Попова, т. I, стр. 88.

ботъ и хлопотъ, которыхъ у раскольниковъ и безъ того было много. Но когда съ царствованіемъ Екатерины II-й началась для раскольниковъ жизнь болѣе или менѣе спокойная, мысль эта должна была показаться большинству заблуждающимъ не меньше, какъ насміемъ природѣ, или по крайней мѣрѣ—мыслию крайне непрактическою. Московскіе едосѣвцы, изъ которыхъ одни владѣли такими богатствами, что могли занимать для услугъ себѣ цѣлыя ватаги работницъ и работниковъ,—другіе, живя на попеченіи Ковыллина, въ пріютахъ Преображенскаго кладбища, имѣли все готовое,—не сѣяли, не жали, а всегда сыты бывали, могли еще, пожалуй, не чувствовать особенной нужды въ женѣ—помощницѣ мужу. Но могъ ли точно также смотрѣть на дѣло какой-либо едосѣвецъ иногородній, жившій въ какомъ-либо захолустьи, приобретавшій себѣ насущный кусокъ хлѣба собственнымъ трудомъ,—едосѣвецъ—крестьянинъ, для котораго жена не только хозяйка въ домѣ, но и работница въ полѣ? А вѣдь между „посестріями“, которыми проявлялись московскіе едосѣвцы—дѣвственники, рѣдко встрѣчаются личности, которыя готовы были бы дѣлить трудъ съ своимъ другомъ; большею частію это—вольныя птицы, которыя чаще обираютъ, чѣмъ собираютъ. „Ежедневное наше въ свѣтѣ обращеніе показываетъ, что безъ взаимной помощи жизнь человѣка и труда и скучна. Взаимной же помощи только отъ вѣрнѣйшаго надѣяться можно. Кто же вѣрише жены служатъ и о благополучіи нашемъ стараться можетъ? Правда, отецъ и мать, и близкіе родственники по случаю иногда наше благополучіе наблюдаютъ. Однако общество, не имущее браковъ, откуда и средство такое имѣть будетъ? Совершенно не-

откуда. Ибо гдѣ не имѣется сунружества, тамъ нѣтъ отца и матери; а гдѣ нѣтъ отца и матери, тамъ нѣтъ и никакихъ сродниновъ (1)?“ Это замѣчаніе одного поворота слишкомъ справедливо, чтобы кто-либо могъ несогласиться съ нимъ. Съ другой стороны въ Москвѣ, какъ и во всякомъ многолюдномъ городѣ, каждая интрижка, заведенная тѣмъ или другимъ послѣдователемъ преображенскаго кладбища, могла быть шитою и красною, и мнимые дѣвственники, предававшіеся разврату, могли оставаться съ незапятнанною репутаціею въ глазахъ своихъ единовѣрцевъ, а равно и въ мнѣніи православныхъ, и такимъ образомъ быть „внѣ гражданскаго стыда“. А если бы по какому-либо обстоятельству и открылась преступная связь какого-либо Федосѣеца съ избранною имъ подругою,—бѣда не особенно велика; тамъ, гдѣ подобнаго рода игра въ безнравственность вошла въ нравы, лишняя интрига—напла въ морѣ и не обращаетъ на себя особеннаго вниманія, какъ „шалость“, или „увлеченіе“; не даромъ же жители столицъ и другихъ большихъ городовъ слымутъ въ провинціи людьми либеральными,—съ широкими воззрѣніями. Наконецъ въ Москвѣ, какъ и во всякомъ другомъ городѣ, всегда бываетъ большой запасъ тѣхъ личностей, потребителями которыхъ, въ числѣ другихъ, были и послѣдователи преображенскаго кладбища. Совсѣмъ другое дѣло — провинція, и особенно село, деревня. Тутъ—посредствомъ разнаго рода кумушекъ—голубушекъ повѣстнымъ дѣлается всѣмъ сосѣдямъ не только

---

(1). „Сборникъ сочиненій о бракахъ разныхъ ревностныхъ мужей“, недавно изданный за границей, Ч. I, л. 171. Объ этомъ замѣчательномъ сборникѣ мы надѣемся сообщить въ послѣдствіи свидѣнія болѣе обстоятельныя, чѣмъ какия представлялъ г. Н. въ „Прав. Обозр.“ (мая 1867 г.).

то, съ кѣмъ изъ мужчиць поговорила молодая женщина, но и то, о чемъ она говорила, хотя бы разговоръ происходилъ наединѣ; тутъ въ слѣдствіе провинціальной грубости не умѣютъ величать преступную связь женщины съ мужчиной-интригой, шалостію, романомъ, а называютъ ее своимъ собственнымъ, неблаговиднымъ именемъ; тутъ наконецъ, благодаря деревенской наивности, рѣже можно встрѣтить женщину, которая рискула бы въ незавидную роль „полюбовницы“. Значитъ, теорія Ковылина „объ утоленіи похоти тайнымъ развратомъ, да не обуреваются человѣкъ нечистыми помыслами“, бывшая въ полномъ ходу между московскими Еодосѣвцами, могла съ трудомъ имѣть практическое приложение въ жизни иногороднихъ послѣдователей Преображенскаго кладбища. Наконецъ въ Москвѣ, гдѣ Ковылинъ могъ расправляться съ непослушными не только собственными „проворными“ руками, но и строгими мѣрами подкупленной власти, нарушать опредѣленіи „начальства“ Преображенскаго кладбища о всеобщемъ дѣвствѣ, если бы кто рѣшился на это, было опаснѣе, чѣмъ въ провинціи, гдѣ только слышали объ Ильѣ Алексѣичѣ и видѣли его рукоприкладства подъ разсылавшимися повсюду грамотами о соблюденіи чистоты и цѣломудрія. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ было то, что, тогда какъ въ Москвѣ, подъ надзоромъ Ковылина, еодосѣвцы волей-неволей подчинялись распоряженіямъ кладбища и проводили жизнь инимодѣственную; иногородніе ихъ единовѣрцы только получали грамоты отъ „Московскихъ христіанъ“ о соблюденіи дѣвства и читали ихъ, а жизнь свою устроили такъ, какъ каждый находилъ для себя удобнѣе. Отъ того мы и видимъ, что еще въ то время, когда только

начиналась борьба поморцевъ съ еедосѣвцами изъ-за вопроса о бракѣ и когда ложность ученія преображенцевъ еще не была ясна доказана послѣдователями поморской часовни, — во многихъ новгородныхъ еедосѣвскихъ общинахъ уже начинается протестъ противъ безусловнаго дѣйства, котораго требовало Преображенское кладбище отъ всѣхъ своихъ послѣдователей, — протестъ не на словахъ, не на бумагѣ, а на дѣлѣ, въ жизни. Такъ еще въ 1796 г. 14-го августа Преображенское кладбище посылаетъ „соборное письмо въ градъ Красный Холмъ“ къ настоятелю тамошнихъ еедосѣвцевъ Гавриилу Федотову, и вотъ что говорится въ этомъ письмѣ: „извѣстихомся мы, что разнообразно брачившихся по пріятіи православныя вѣры пріемлете безъ разводу и сообщаете съ христіанами. А сіе творите вы противу божественныхъ нравилъ и церковныхъ законовъ, также и сопротивно прежде бывшихъ какъ поморскихъ, такъ и великопольскихъ, новгородскихъ и прочихъ отецъ о таковыхъ установленій. Ибо оныя великоравностныя мушн, таковыхъ безъ разводу въ церковь не пріималу и съ христіанами не сочетаваху, но по распущеніи ихъ неприкладнаго бракосочетанія и съ расторженіемъ единодомовнаго сожитія и по исправленіи за таковыя дерзостныя ихъ предпріятія наложеніемъ епитиміею пріобщаху къ правовѣрнымъ. — Также и о бракосочетавшихся до пріятія христіанской вѣры поступаете очень слабо, ибо признавшихся чадородіемъ не наказуете. А сіе же вы творите сами собою, кромѣ всякаго совѣта съ прочими отцами. То и просимъ васъ не раздирать церковнаго союза и не поколебать тѣмъ христіанскія души. Какъ первыхъ, т. е. новоженовъ, безъ разводу, такъ и другихъ безъ исправленія не принимать и

от православными не сочетавать (1)». Изъ этого письма видно, что едосѣвцы Краснодо Холма еще до 1796 г. не только относились снисходительно къ староженамъ, не подвергая ихъ никакимъ наказаніямъ за чадородіе и такимъ образомъ признавая ихъ бракъ какъбы законнымъ, но и сами вступали въ брачныя сожитія и, не смотря на свое новожежество, жили съ своими единовѣрцами, остававшимися въ безбрачій, въ мирѣ и согласіи, не подвергаясь отъ нихъ ни разводу съ своими женами, ни отлученію отъ общества. Мало этого: самъ наставникъ Красно-Холмской едосѣвской общины, разумѣется, номинальный дѣйствительный, смотрѣлъ, какъ видно, севозъ пальцы на отступленія своихъ пасомыхъ отъ правилъ Преображенскаго кладбища. И такъ шло дѣло въ Красномъ Холму не только до полученія Гаврииломъ Федотовымъ „соборнаго письма“ изъ Москвы, но и послѣ, какъ это показываетъ „второе соборное письмо“, въ которомъ наставники Преображенскаго кладбища писали Федотову: „престань отъ нелѣпнаго начинанія, противнаго святой Церкви (?),—изволь отставить людей отъ церковнаго соединенія, брачавшихся беззаконно. Аще ли сего не учиниши, то раздора церковнаго будещи повиненъ. Впрочемъ, пожалуй, съ нами повидайся“ (2). Мы не знаемъ, исполнилъ ли Гавриилъ Федотовъ послѣ этого втораго письма требованіе Ковылина и наставниковъ Преображенскаго кладбища; но

---

(1). Сборн. Публичн. библ. подъ названіемъ: „памятъ Гнусина“, № 474-й, глава 23-я. Это-одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сборниковъ разрозненныхъ сочиненій, находящихся въ Публ. библ.,—заключающій въ себя множество документовъ, относящихся къ исторіи едосѣвскаго раскола и его ученія о бракѣ. Жаль только, что въ сборникѣ нѣтъ первыхъ десяти главъ.

(2) Памятъ Гнусина, гл. 24.

знаемъ, что онъ былъ не единственный провинціальный еедосѣвскій наставникъ, который шелъ противъ предписаній Москвы касательно всеобщаго дѣвства. Подобно Федотову дѣйствовали еедосѣвскіе наставники и другихъ иногороднихъ общинъ. Въ томъ же сборникѣ, изъ котораго мы заимствовали свѣдѣнія о взглядѣ на брачную жизнь Красно-Холмскихъ еедосѣвцевъ, помѣщено „соборное письмо“ наставниковъ Преображенскаго владыки „къ Тихвинскимъ христіанамъ въ лѣто 1799, июля 26-го дня“, изъ котораго видно, что и въ Тихвинскомъ уездѣ дѣла шли не лучше, чѣмъ въ Красно-Холмскомъ. Вотъ что писали въ этомъ письмѣ вондѣ Федосѣвскаго, раскола: „мы собравшеся общелунно о происшедшемъ несогласіи въ вашихъ предѣлахъ о незаконно отъ нѣкихъ приемлемыхъ разнообразно брачавшихся; по прихити православыя вѣры, въ церковное общеніе безъ разводу, чего ни въ Божественныхъ правлахъ не обрѣтается, ни у прежнихъ отецъ нашихъ и. страдающихъ приемлемо не бывало; того ради всѣхъ и каждаго просимъ, хотящаго пребывать въ любви Божіей и единомыслии церковномъ, чтобъ намъ нынѣ, такъ и впредь таковаго, яко противнаго отеческимъ предѣломъ, нешества въ Церковь (?) не вводити и тѣмъ христіанскимъ душамъ соблазна нетворити и предписанныхъ законнобрачавшихся безъ разводу въ церковное общеніе не допускати, и которые вричты отъ кого безъ разводу и таковыхъ отлучати, или кто будетъ зновъ оныхъ приимати, и намъ съ таковыми людьми общенія не имѣти (1)“. Въ 1800 г. въ сентябрѣ наставники Преображенскаго владыки выдали „воздоной линіи служакому

(1) Тамъ же, гл. 26.

назаву соборное: о прежде бывшихъ и нынѣшнихъ христіанъ мудроваши извѣщеніе“, — съ тѣмъ, чтобы онъ предъявилъ его „древняго святоотеческаго преданія содержателями Саратовскимъ, Царицынскимъ, Астраханскимъ и прочимъ странъ правобѣрнымъ“. Изложивъ въ этомъ „извѣщеніи“ свой взглядъ на брачную жизнь и сказавъ, какъ должно принимать въ общество едосѣвцевъ „брачавшихся до познанія православныя вѣры“ и „по принятіи вѣры развобрачавшихся“, преображенцы въ заключеніе увѣщавали „всѣхъ, хотящихъ въ единомысліи съ ними пребывать“, поступать касательно брачныхъ согласно съ предписаніями кладбища (1). Значить, въ это время и между едосѣвцами Саратовскими, Царицынскими, Астраханскими и др. уже начинали появляться отступленія отъ правилъ Преображенскаго кладбища касательно всеобщаго безбрачія. Иначе не было бы нужды ни въ „извѣщеніи“, ни тѣмъ болѣе въ увѣщаніи — пребывать въ единомысліи съ Московскою. Въ августѣ 1804 г. наставники Преображенскаго кладбища послали подобное же извѣщеніе, или, какъ они писали, „истинно исповѣданіе“ въ Сибирь „частнѣйшимъ отцамъ и начальоводителямъ Іонѣ, Игнатію, Андреяну, Іоанну и прочимъ книжнымъ настоятелямъ и мірскимъ отъ мала до велика“. Въ этомъ „исповѣданіи“ указавъ отношенія, въ какихъ находились Московскіе Фодосѣвцы къ „староженамъ“ и „новобравамъ“ и опредѣливъ условія, на какихъ слѣдуетъ принимать тѣхъ и другихъ въ общество „истинныхъ христіанъ“, вожди Московскаго Фодосѣвскаго раскола въ „поддѣрженіи“ на связанное писали: „того ради хотящимъ съ

(1) Тамъ же, гл. 27.

нами въ единомыслии пребывать и желающимъ кроми
зовишь святоотеческое преданіе: храните — чистоту и
дѣломудріе добывать совѣтуемъ, не хотящимъ же и
смѣлымъ охотникамъ, кроми благословеніи, за ерети-
ческимъ тайнодѣйствіемъ смѣшатся, на волѣ остав-
ляемъ, по писанному: не обладаемъ вашею вѣрою, о
возлюбленніи! во учение бо слова избрани есмы, а не
въ начальство“. Указавъ за тѣмъ причинамъ, по кото-
рымъ преображенцы вооружались противъ брачной жи-
зни, они писали въ концѣ: „не хотящимъ же и въ на-
писаннымъ свидѣтельствамъ послѣдовать на ихъ волю
оставляемъ, и не согласно съ нами на предъявленные
свидѣтельства о тайнѣ брака мудрствующихъ, дру-
гаго состоянія искать повелѣваемъ и другихъ настоя-
телей (1)“. Изъ этого „исповѣданія“ видно, что и между
Сибирскими едосѣвцами находились „смѣлые охот-
ники“ до брачной жизни, и притомъ такіе, которые ни
во что ставили начальство Преображенскаго кладбища,
и въ случаѣ настоятельныхъ требованій съ его сторо-
ны оставить брачную жизнь готовы были „другаго со-
стоянія искать“, — т. е. оставить Едосѣвскій расколъ
и перейти въ Поморскій, гдѣ дѣвство не считалось не-
премѣнною обязанностию народа. Это какъ нельзя
болѣе подтверждаетъ высказанную нами прежде мысль,
что Ковыдинъ былъ страшенъ только Московскимъ Едосѣвцамъ и даже Поморцамъ и что иногородніе по-
слѣдователи Преображенскаго кладбища не особенно
подчинялись его распоряженіямъ. Въ 1805 г. прибылъ
въ Москву „духовникъ ради дѣлъ Казанскихъ и иново-
скихъ странъ житель Иванъ Алексѣевъ“. Въ числѣ не-

(1) Тамъ же, ст. 30 и 31.

доуѣвній, за разрѣшеніемъ которыхъ онъ обращался „къ Московскому купцу Ивану Петровичу Дуншловцу“ бывшему, по выраженію Любопытнаго, „особеннымъ председателемъ на едосѣвскихъ соборахъ“, пользовавшемуся уваженіемъ всего Московскаго Едосѣвскаго общества,—было между прочимъ и слѣдующее: „старожеманншіея нѣкоторые христіане безъ востыгновиімъ съ женами ервокупленіе имѣють, не блаженно-ль тивовымъ въ братствѣ сообщатися (1)“. Значить, и въ Кавказскіи страны были Едосѣвцы, которые въ своей жизни не слѣдовали предписаніямъ Преображенскаго кладбища касательно „сохраненія чистоты и цѣломудрія“. Напримеръ даже Петербургская едосѣвская община, устроенная при посредствѣ Ковылина, часто издавшая у себя Илью Алексѣича во время поѣздокъ его въ Петербургъ и находившаяся до самой смерти Ковылина въ постоянномъ сношеніи съ Преображенскимъ кладбищемъ (2),—даже и эта община, имѣвшая у себя такихъ наставниковъ—святитковъ, каковы были Герасимъ Никитичъ Опшара и Яковъ Васильевъ Холдинъ (3),—въ конку жизни Ковылина стала измѣнять ученію, какое успѣлъ внушить ей строгіиъ Преображенскаго кладбища. На бывшемъ 4-го января 1791 г. соборѣ Петербургскихъ едосѣвцевъ, по дѣлу о примиреніи ихъ съ старо-поморцами, т. е. съ тѣми изъ послѣдователями Выговской пустыни, которые не принимаютъ ученія Емельянова, было, между прочимъ, положено: „отъ старожемановъ“, при приѣмѣ ихъ въ общество едосѣвцевъ, требовать обшцаніи—„проводить свое

(1) Тамъ же, гл. 40.

(2) Кольсѣва вып. 1. стр. 20.

(3) Смотри объ нихъ у Любоп. въ его слов. историч. и календ.

гитіе со всякимъ цѣломудріемъ и въ чистотѣ тѣлесной
съ придержаніемъ отъ всего воздержаніемъ“ (нарушив-
шему общаіе грѣшное отлученіе),— „а вновь поженив-
шихся христіанъ“ принимать не иначе, какъ съ разво-
домъ (1).—Эти опредѣленія Петербургскихъ Единосѣв-
цевъ были такъ согласны съ правилами Преображен-
скаго кладбища, что, когда они были посланы въ Мос-
кву на разсмотрѣніе, настоятели кладбища безпреко-
ловно утвердили ихъ (21 апрѣля того же года) соб-
ственноручнымъ подписомъ, а Ковылинъ противъ статьи
о Новоженцахъ написалъ только: „неизмѣнно по всему
такъ тѣхъ приедемъ“. Но недолго продолжалось такое
согласіе между Петербургомъ и Москвою; въ 1799 г.
Петербургскіе едосѣвцы уже смѣнили свои отноше-
нія къ „поженившимся по крѣпости вѣры“ и „общесо-
борнымъ совѣтомъ постановили“ касательно новоженцовъ
слѣдующія правила: 1) „чтобъ жить имъ по всему образу
христіански и съ міромъ не общитъся; 2) молиться имъ
отсѣлъ во отлученныхъ для нихъ при молитвенныхъ
домахъ на то устроенныхъ мѣстахъ; 3) въ случайныхъ
опасныхъ нуждахъ на подаліе ихъ принимать и 4) въ
продолженіи ихъ жить, когда совершенно они окажутся
добродѣтельное и невнорочное свое житіе, которое и за-
свидѣтельствовано будетъ отъ духовныхъ ихъ отецъ и
отъ соборныхъ людей, тогда таковыхъ общесоборно
съ шестидесятымъ местомъ за покаяніе принимать и
жить имъ съ христіанами, а молиться имъ въ особенныхъ
мѣстахъ“ (2). Съ теченіемъ времени петербургскіе еде-
сѣвцы еще болѣе разошлись съ московскими во взгля-
дѣ на староженцовъ и новоженцевъ.—Въ январѣ 1804 г.

(1) „Пандектъ Глусина“ гл. II.

(2) Тамъ же, гл. 25.

изъ Москвы было послано письмо „петербургскимъ отцамъ: Аванасію Агиноловичу, Якову Васильевичу и Симоону Никитичу“, изъ которыхъ первые два подписались подъ опредѣленіями собора 1791 года, — и вотъ что писали въ этомъ письмѣ наставники преображенскаго владбища: „извѣстникомъ, что съ брачущимися и съ новоженами общаетесь; просимъ васъ Господа ради безъ расторженія не принимать (1)“. Несмотря однакожь на такую смиренную просьбу преображенцевъ, петербургскіе едосѣвцы въ послѣдствіи времени дѣлались болѣе и болѣе снисходительными къ лицамъ, проводившимъ брачную жизнь, и наконецъ дѣло дошло до того, что многіе и изъ нихъ самихъ стали вступать въ бракъ — такъ, что наставники и другіе ревнители дѣвства нашли нужнымъ составить въ январѣ 1809 года соборъ „для укрѣпленія православыя вѣры законовъ и для установленія нѣкихъ христіанъ колебанія“: 17 статей этого собора и „объясненія“ на нихъ напечатаны въ первомъ томѣ сборника (2) для котораго старообрядства Попова, — и мы можемъ на основаніи тѣхъ и другихъ нарисовать довольно вѣрную и полную картину семейной жизни и нравовъ петербургскихъ едосѣвцевъ въ указанное время. Такъ, не смотря на требованіе собора 1791 года проводить староженцамъ „чистое житіе“, не смотря на назначеніе за нарушеніе или чистоты разнаго рода епитимій, видно, что изъ вѣхъ „старобранные“ оставались вѣрными своему обществу — жить „во всякомъ дѣломудрїи“, а были между ними и такіе, которые рождали дѣтей и даже, болѣе несчастія! жены ихъ не кормили младенцевъ своимъ „млекоу“,

(1) Пандектъ Гугона, — гл. 22.

(2) Стр. 22—73.

а брали для этого „жизнь еретических“. И что всего хуже: дѣлалось это иногда не по какимъ-либо серьезнымъ и уважительнымъ причинамъ, напр. по причинѣ слабого здоровья родившей и под., а единственно для того, чтобы удобнѣе было „ходить въ маскарады и въ театры, оперы и комедіи“ (1). Далѣе: какъ не заботился Ковылинъ о внушеніи петербургскимъ едосѣвцамъ, что въ „нынешнія послѣднія, антихристовы, горько-плачевныя времена“, когда уже во всей поднебесной не обрѣтается православнаго іерея, не можетъ быть тайны брака и всѣмъ нужно проводить жизнь дѣвственную, находившихъ между ними такіе „продерзатели“, которые „безъ вѣнчанія по согласію сходились“ съ по нравившимися имъ „христіанками“ и начинали жить съ ними на правахъ мужей. Но это еще не все: нѣкоторые изъ петербургскихъ едосѣвцевъ выбирали себѣ по вкусу „христіановъ“ и отправлялись съ ними рѣчаться въ „церкви иновѣрныхъ“, т. е. вступали въ бракъ или по обрядамъ Покровской часовни, или даже посредствомъ вѣнчанія въ церквахъ православныхъ, чрезъ что, по мнѣнію бракорядцевъ, дѣлались „отступниками всяка православнаго вѣры“, т. е. едосѣвцеваго раскола (2). Были между ними и такіе, кои, сами живя блуднымъ образомъ, дѣтей своихъ однакоже убѣждали вступать въ бракъ и притомъ не иначе, какъ чрезъ вѣнчаніе „въ церквахъ еретическихъ“. Само собою понятно, что молодежь весьма охотно склонялась на такія убѣжденія и съ радостію слышала въ православные храмы для вѣнчанія, а „отцы и матери благословляли“ при этомъ „дѣтей своихъ иконами“. Но такъ—какъ вѣнчаніе брака въ

(1) Статья 15 и объясненіе на нее.

(2) Статья 2 и объясненіе на нее.

православныхъ церквахъ никогда почти не обходится безъ присутствія при этомъ жадной до всякаго рода зрѣлищъ толпы, которая нерѣдко сопровождаетъ новобрачныхъ до самаго дома ихъ и тамъ еще долгое время глѣзеть на всѣ тѣсно связанныя съ торжествомъ церемоніи; те многіе изъ петербургскихъ едосѣвцевъ, чтобы не ударить себя лицомъ въ грязь и показать, что и они не чужды цивилизаціи, устраивали при возвращеніи новобрачныхъ дѣтей своихъ въ домъ „музыки и хоры“ и сопровождали торжество „пѣанствомъ и плясавіемъ (1)“. Но и это не все. Встрѣчались между петербургскими едосѣвцами и такіе „либералы“, кои не только не препятствовали своимъ дѣтямъ вступать въ бракъ, но нерѣдко даже хлопотали о томъ, чтобы сыновей своихъ женить на православныхъ дѣвцахъ, а дочерей — выдавать замужъ за православныхъ молодыхъ людей, разумѣется, „въ богатые дома“. Съ этою цѣлю они еще отъ „малаго возраста дѣтей“ заводили знакомства съ „еретниками“ и, узнавъ ихъ вкусъ, старались и сами воспитывать своихъ дѣтей такъ, чтобы они могли составить „приличную партію“ никоніанцамъ, — учили ихъ „богомерсонимъ модамъ“, — вмѣсто „псалмовъ и молитвъ святыхъ — сказкамъ и пѣснямъ бѣсовскимъ въ душетлѣнныхъ книжкахъ читати обучали и платье нѣмецкое — туркообразные сарафи“ и т. под., „мерзости носить имъ попускали“, а нерѣдко и сами носили „богомерзкую нѣмецкую одежду — для того, что и на родителяхъ если будетъ русская или христіанская одежда, то будутъ почитаться за грубыхъ и неучтивыхъ, чрезъ то и въ свѣтовѣхъ будетъ не малое помѣшательство (2)“.

(1) Статья 3 и объясненіе на нее.

(2) Статья 5 и 6 объясненія на нихъ.

Возвращая же чрез брачныя связи дѣтей въ родство „съ нитоніанами“, еедосѣвцы еще болѣе удалялись отъ правилъ и обычаевъ своего толка. Бывая въ гостяхъ у своихъ православныхъ родственниковъ, они, разумѣется, должны были подчиняться принятымъ здѣсь правиламъ и обычаямъ, и потому не только „ѣли на одномъ столѣ и изъ единыхъ сосудовъ съ еретиками“, но даже и „Отче нашъ не надъ пищею, но во иномъ покоѣ говорили“, а за тѣмъ „не токмо долгіе вечера, но и цѣлыя ночи“ проводили не въ бесѣдѣ душевспасительной, а „въ игрѣ карточной“ и другихъ „законопреступленіяхъ“, — танцахъ и прочихъ „бѣсотѣшныхъ забавахъ, съ лобзаніемъ и нарицаніемъ: сватушко, сватьюшка“ и проч. И такъ-какъ подобнаго рода „банкеты“ устраивались часто — по поводу рожденій, крестинъ, именинъ, поминовеній, свадебъ и проч., и притомъ не только православными для еедосѣвцевъ, но и послѣдними для своихъ православныхъ родственниковъ, то само собой понятно, что многіе изъ еедосѣвцевъ почти совершенно отвыкали отъ обычаевъ своего толка и близались съ православными до того, что ходили вмѣстѣ съ ними „въ крестные ходы и на погребенія и прочія“ (1). Наконецъ, — и это важнѣе всего, — сами наставники петербургскихъ еедосѣвцевъ вмѣсто того, чтобы искоренять въ своихъ пасомыхъ такія отступленія отъ правилъ своего толка, видимо потворствовали имъ. Такъ, вопреки собору еедосѣвскому 1751 года, они называли староженовъ „*оумчашимися* въ церквахъ иновѣрныхъ“ и тѣмъ какъ-бы признавали силу и значеніе вѣнчанія православнаго (2), и притомъ царству антихриста, (какимъ считаютъ ее-

(1) Статя 7, 14 и 15 и объясненія на нихъ.

(2) Статя 1 и объясненіе на нее.

досѣвцы нашу православную Церковь), давали названіе „Церкви“, хотя и еретической (1); за рожденіе же староженами дѣтей часто не подвергали ихъ никакимъ наказаніямъ, особенно если „ощутили на таковыкъ овцахъ мягкую волну и сладкое млеко (2)“. Далѣе: вопреки запрещенію указаннаго собора не крестить здоровыхъ новоженскихъ дѣтей прежде, чѣмъ родители ихъ разводятся по разнымъ мѣстамъ и прекратятъ сожитіе, вопреки запрещенію даже входить въ дома новоженцовъ, — петербургскіе едосѣвскіе наставники изъ-за „мнимоимства“ крестили подобныхъ младенцевъ и безъ предварительнаго расторженія единодомовнаго сожитія родителей и тѣмъ какъ-бы уполномочивали ихъ на новыя рожденія (3), — и притомъ крестили дѣтей не только тѣхъ новоженцовъ, которые вступали въ брачныя сожитія по одному взаимному согласію, но и тѣхъ, кои вѣнчались въ мнимо-еретической церкви (4). Мало этого: не только для крещенія, но и для „славленія“ и другихъ „духовныхъ потребъ“ наставники позволяли себѣ входить въ дома новоженцовъ и даже не отлучали отъ общенія церковнаго тѣхъ изъ нихъ, которыхъ брачное сожитіе было „вѣдомо однимъ только настоятелямъ (5)“. Вообще, по замѣчанію писателя „объясненій“, фанатично преданнаго бракоборному едосѣвскому расколу, наставники петербургскихъ едосѣвцевъ разрѣшали своимъ „нелюдявымъ овцамъ на всякую погань и нечистоту, кромѣ Бога, вѣры, закона и совѣсти (6)“.

(1) Объясненіе на ст. 3.

(2) Объясненіе на ст. 15.

(3) Объясненіе на ст. 4 и 5.

(4) Объясненіе на ст. 6.

(5) Объясненіе на ст. 12.

(6) Объясненіе на ст. 16.

Самый соборъ 1809 года, составившійся съ цѣлю прекратить указанные безпорядки, не имѣлъ возможности строго отнестись къ нимъ и издалъ правила самыя неопредѣленныя и уклончивыя, которыя, по замѣчанію писателя „объясненій“ на нихъ, составляли не „правленіе церковное, но неистовый мятежь и смущеніе пути спасительнаго церковнаго (1)“, и которыя дѣйствительно почти разрѣшали еедосѣвцамъ брачное сожитіе.

Само собою разумѣется, что всѣ указанныя отступленія иногороднихъ еедосѣвцевъ отъ правилъ Преображенскаго кладбища (2) были извѣстны Ковылину и ясно показывали ему, какъ при такомъ порядкѣ вещей можетъ быть опасна пропаганда поморцевъ въ пользу брака. Что же однако оставалось дѣлать строителю Преображенскаго кладбища въ виду такой повсемѣстной склонности еедосѣвцевъ къ брачной жизни? Требовать попрежнему отъ всѣхъ строгаго дѣвства значило давать поводъ тѣмъ, кои уже не исполняли этого требованія, окончательно разорвать свои связи съ кладбищемъ, о подчиненіи которому иногороднихъ общинъ такъ много и настойчиво хлопоталъ Ковылинъ (3). Измѣнить прежнее ученіе о всеобщемъ, безусловномъ дѣвствѣ значило... признать надъ собою побѣду покровцевъ, давно уже доказывавшихъ Ильѣ Алексѣичу несостоятельность и незаконность такого ученія. Положеніе затруднительное, но хитрый Ковылинъ нашелъ, по видимому, средство выйти изъ него. На соборѣ 25-го февраля 1809-го года онъ, какъ мы видѣли выше, за-

(1) Объясненіе на ст. 17.

(2) Правила эти помѣщены въ сборн. для истор. стараобр. Попов. т. 1. стр. 83—101.

(3) Сборн. прав. свѣд. о расколѣ Бельсѣева, вып. 1 стр. 28, 29 и 31.

прещая новоженство, отнесся весьма снисходительно къ староженамъ, опредѣливъ подвергать ихъ, въ случаѣ нарушенія ими цѣломудрія, только сорокадневному по-
сту. Такимъ опредѣленіемъ Ковылинъ хотѣлъ достиг-
нуть двухъ цѣлей: строгостью въ отношеніи къ ново-
жевамъ показать «лютымъ бракорборцамъ», что онъ по-
прежнему—строгій защитникъ дѣвства,—тѣмъ же изъ
еодосѣвцевъ, кои чувствовали нужду въ брачной жизни,
снисходительностію соборнаго опредѣленія касательно
староженевъ дать понять, что и Илья Алексѣичъ не от-
вергаетъ вполне брачныя сопряженія. Уловка, достой-
ная Ковылина, цѣлую жизнь дѣйствовавшего двулично,
только, къ огорченію Ильи Алексѣича, она рѣшитель-
но не достигла той цѣли, съ которою была придумана.
Когда соборныя опредѣленія были разосланы по яного-
роднымъ общинамъ, еодосѣвцы по своей простотѣ не
догадались выискнуть въ тайный смыслъ несогласныхъ
между собою предписаній кладбища, а взглянули на дѣ-
ло, какъ оно представлялось имъ съ перваго взгляда,
и нашли, что соборныя опредѣленія Преображенскаго
кладбища 1809 года „сомнительны, къ заблужденіямъ
подходятъ, не спасительны, душепагубны“ и главное—
противорѣчивы. Вотъ что писали въ Москву по этому
поводу еодосѣвцы города Т...: „честнѣйшіе отцы и
прочіе нашего согласія христіане въ Москвѣ живущіе!
Всѣмъ да будетъ вамъ извѣстно, что въ послѣднихъ
числахъ марта сего 7317 (1809) лѣта получили мы
вновь особенныя подтвержденія, постановленныя въ Мо-
сквѣ на преображенскомъ кладбищѣ 25-го февраля сего
же года, касательно брачныхъ, къ непремѣнному и
строгому оныхъ исполненію каждому въ еодосѣвскомъ
нашемъ согласіи христіанину состоящему предписанныя.

О коихъ учрежденіяхъ и по многимъ сосѣдственнымъ нашимъ селеніямъ скоро распространился слухъ, по коемъ многіе изъ нашихъ и изъ познанныхъ (?) приходили къ намъ смотрѣть и слушать ихъ, отъ чего однакоже, къ неудовольствію нашему, довольно изъ слушателей взволновались и остались въ смущеніи и къ исполненію полученныхъ учрежденій ревность ихъ охладѣла. Сія перемѣна произошла въ нихъ отъ того паче, что доставленные постановленія не утверждены божественнымъ писаніемъ и правилами святыхъ отецъ. И сего ради многіе начали таковыя учрежденія нарицать уже и сомнительными къ заблужденіямъ подходящими, неспасительными и душепагубными. Мы же вѣруемъ и знаемъ, что московское христіанство Преображенскаго кладбища божественнымъ писаніемъ и людьми, знающими церковныя законы, изобильно и преобгато, и не можно, чтобы сія учрежденія неаписанніи (вѣроутомъ; неподписанными) были произведены. То къ уврачеванію колеблющихся христіанъ и къ очищенію нашего благочестія, почитая московское христіанство главнымъ пристанищемъ всего нашего спасенія, притекаемъ къ вашему неуслышному попеченію и просимъ упомянутыя постановленія засвидѣтельствовать и изъяснить въ нихъ недоумѣнное святымъ писаніемъ. Вамъ бо дано есть разумѣти тайны царствія Божія, прочимъ же въ притчахъ. И ны надѣемся, что возможно вамъ избавить и спасти Израиля отъ пачу душевныхъ погубелей. Когда-ль оны останутся необъясненными, то сопротивники наши восгорнествуютъ надъ нами и благочестіе наше всюду будетъ разоряться въ конецъ. Православные христіане! спасите благовѣріе и во славу святости законовъ нашихъ и спасенія душъ воспримите труды къ

изъясненію и утвержденію изданныхъ положеній... и что въ нихъ требуется къ растолкованію, помѣщаясь оное въ примѣчаніяхъ". Вотъ главный изъ недоумѣній, какія представляли жители города Т.. преобращенцамъ на разрѣшеніе. Въ первомъ правилѣ касательно старобранныхъ было сказано, что по переходѣ въ расколъ они не разлучаются между собою, однако-же обязаны жить въ чистотѣ и цѣломудріи. Если не разлучаются, спрашивали жители Т., то почему? Если потому, что до перехода въ расколъ они состояли между собою въ бракѣ, въ такомъ случаѣ или нужно признать правдивость „еретическаго“ (т. е. православнаго) вѣнчанія, или въ противномъ случаѣ согласиться, что и браки безсвятеннословныя — законны. Или, быть можетъ, не разлучаются староженны потому, что приняли „святое крещеніе“ (т. е. перекрещиваніе)? но „святимъ крещеніемъ очищаются только грѣхи и усмыкваются Богу крещаемые, а не сожительства таковыя совокупное устрояется“. Если же, наконецъ, не разлучаются староженны „ради домашней хозяйственности и работъ“, — то гдѣ же это повелѣніе „божественнаго писанія“? А между тѣмъ такимъ поощреніемъ дается поводъ къ „сожитію зазорному и беззаконному“. Далѣе: неразлученныя староженны обязывались однако-же жить въ „цѣломудріи“ и не рождать дѣтей. Это требованіе, писали жители Т., не противорѣчитъ ли ученію Апостола и св. Отцевъ, которые повелѣвали мужу вѣрному не оставлять жены даже невѣрной, и на оборотъ, — не противорѣчитъ ли въ чистотѣ примѣрамъ древности (1), изъ которыхъ видно, что жены, принявшія кре-

(1) Какъ примѣры, такъ и свѣдѣтельства указаны въ примѣчаніяхъ.

щеніе, продолжали сожитіе съ своими прежними мужьями—даже идолопоклонниками, рождая отъ нихъ дѣтей, и не ступали такъ по поведѣнію святыхъ? Въ постановленіи касательно половинокъ, т. е. женщинъ едосѣвскихъ, вступившихъ въ браки съ „еретиками“ (т. е. съ православными), сказано, что мужъ невѣрный, по обращеніи къ правосвѣрію, долженъ разлучиться съ своею мнимою женою, какъ блудницею. Это правило, замѣчали жители Т., противорѣчитъ первому и несогласно съ примѣрами древности и съ постановленіями соборовъ, какъ помѣстныхъ, такъ и вселенскихъ. По первому правилу, старожены не разлучаются, по второму— тотъ же старожень, т. е. вступившій въ бракъ до перехода въ расколъ, отдѣляется отъ своей жены. За что же? Ужели за то, что онъ вступилъ въ супружество съ женою дѣрною, а не невѣрною,—и ужели „сопряженіе двухъ невѣрныхъ частей чище сопряженія вѣрнаго съ невѣрнымъ?“ Примѣры же древности показываютъ, что вѣрные иногда вступали въ браки съ невѣрными и не разлучались, а считались супругами. А соборы хотя и запрещаютъ подобныя браки, но не потому, чтобы не признавали ихъ законности, а единственно потому, что „въ разневѣрномъ бракѣ всегда происходитъ за вѣру распри, ссоры, терзанія и жестоко вытѣсняется и страдаетъ правосвѣріе и благочестіе“. Кроме причинъ „вѣронаруженій и бѣдствій“, ни помѣстные, ни вселенскіе соборы не указывали никакихъ „особенныхъ резоновъ“ къ воспрещенію браковъ съ иновѣрными и не расторгали подобныя сопряженія. Наконецъ, касательно правила относительно новоженцовъ, т. е. безпоповцовъ, вступавшихъ въ брачныя сожитія безъ церковнаго вѣнчанія, жители Т. писали, что если подѣ новоженцами

христіане московскіе разумѣютъ тѣхъ лицъ, которые, предполагая покаяться при концѣ жизни, сопрятаются, чтобы „явно блуднически оскверниться, и живутъ, оставя совсѣмъ своея вѣры всѣ обязанности“,—въ такомъ случаѣ опредѣленіе—отлучать такихъ супруговъ отъ общества, домогъ не раскаются и неразлучатся между собою, справедливо; если же подъ новоженами преобразенцы разумѣли и тѣхъ, кои „по залогоу законнаго бупружества нынѣ брачатся и жизнь провождаютъ по долгу православнаго христіанства“, въ такомъ случаѣ „многіе изъ нашихъ по всей нашей окружности и думаютъ не смѣютъ о нихъ сказать: да не приемлются въ церковь“, и потому затрудняются исполнить опредѣленіе собора, какъ такое, въ основаніе котораго, „не поможено ни одного правила святыхъ отецъ“. Кромѣ того „отъ исполненія того предписанія отвлекаетъ ихъ нынѣ болѣе и то, что они,—гдѣ-то и кто-то имъ найти пособиль, —обряди и тѣ доказательства, которыми тѣ брачущіися защищаются и оправдываютъ свои брачныя содержанія, которые (доказательства), замѣчали составители разсматриваемаго посланія, и мы неоднократно смотрѣли и съ нашими колеблющимися христіанами о нихъ много разсуждали, но опровергнуть ихъ не умѣли. Да и возможно ли намъ ихъ сразить и попрасть, когда они много подробнѣе нашего о бракѣ разсуждаютъ и насъ истязуютъ то матерією, то формою, то конечными причинами“. Указавъ за тѣми недоумѣніями, какія неволью возбуждали въ едосѣвцахъ сочиненія покровцевъ, и сказавъ, что разрѣшить эти недоумѣнія у нихъ неостало силъ и умѣнья, въ слѣдствіе чего „православіе“ едосѣвское въ Т. „сдѣлалось безгласнымъ“, жители Т. замѣчали: „впрочемъ мы не сдались на ихъ сторону, остались въ

своемъ исповѣданіи и съ ними разошлись съ тѣмъ, что христіане московскіе сіе совершенно рѣшаютъ и докажутъ писаніемъ⁴. Изложивъ далѣе всѣ основанія, на которыхъ покровцы утверждали правильность своихъ безсвятеннословныхъ браковъ, составители посланія заключали: „православные христіане, любезнѣйшая наша братія! Сіи ихъ доказательства, здѣсь предложенныя, просимъ принять съ любовію христіанскою и рассмотреть ихъ и написать на нихъ обличеніе. И когда отъ Божественнаго писанія и правилъ святыхъ отецъ они избличатся и опровергнутся, тогда ихъ согласіе падеть и не будетъ къ тому, а наше православіе, одержавши надъ ними побѣду, восторжествуетъ всюду и во всѣхъ нашихъ окрестностяхъ будетъ сіять во святомъ благочестіи⁴, и кромѣ того „весь свѣтъ узнаеть, чьи мы ученицы есмь и koliko свята наша вѣра... и церковь наша сохраненіемъ и защищеніемъ всемѣстнаго цѣломудрія будетъ ли тягостною и противоборною человѣческому роду (1)⁴.

Всматриваясь внимательно въ это посланіе жителей Т., писанное ими московскимъ еедосѣвцамъ, по поводу разосланныхъ послѣдними повсюду соборныхъ опредѣленій 1809 года, прежде всего нельзя не замѣтить въ немъ особенной смѣлости, съ какою иногородніе послѣдователи Преображенскаго кладбища позволяютъ себѣ разсуждать о дѣлахъ своихъ московскихъ единовѣрцевъ. На ряду съ льстивыми фразами, что „московское христіанство Преображенскаго кладбища — пребогато Божественнымъ писаніемъ и людьми, знающими церковные законы“,—что оно составляетъ „главное приста-

(1) Обо всемъ этомъ см. въ сборникѣ Публ. библ. № 473, соч. „Защитеніе церковнаго цѣломудрія“ подъ № 33.

нице“ истины, — что ему „дано разумѣть тайны Царствія Божія“, — вы встрѣчаете въ посланіи выраженія такого рода, что опредѣленія преображенцевъ кажутся жителямъ Т. „сомнительными, къ заблужденіямъ подпадающими, неспасительными, душепагубными“ и даже противорѣчивыми, и что поѣтому исполнять ихъ Т. едосѣвцы и „думать не смѣютъ“. Такія любезности, по всей вѣроятности, Ковылину приходилось слышать впервые, и онѣ ясно показывали, что кредитъ Ильи Алексѣича, такъ постыдно уклонявшагося отъ разсужденій о бракѣ съ покровцами, начиналъ падать не только въ глазахъ поморцевъ, но и во мнѣніи едосѣвцевъ, особенно иногороднихъ, — что „дружескія извѣстія“ покровцевъ, которыя они разсылали повсюду и въ которыхъ откровенно объясняли весь ходъ сношеній своихъ съ преображенцами — съ цѣлью показать ихъ несостоятельность въ ученіи о бракѣ, достигали своей цѣли. Далѣе: если обсудить хорошо всѣ замѣчанія, какія высказаны были жителями Т. по поводу соборныхъ опредѣленій 1809 года, то нельзя не сознаться, что „московское христіанство“, при всемъ своемъ вѣдѣніи „божественнаго писанія“, едва ли въ состояніи было сказать что-либо противъ нихъ. Противорѣчивость опредѣленій собора 1809 года, допущенная Ковылинымъ съ тайною мыслію угодить, какъ тѣмъ едосѣвцамъ, которые отвергали бракъ, такъ и тѣмъ, кои признавали его необходимость, — была слишкомъ очевидно доказана жителями Т., чтобы можно было не сознаться въ ней; а приведенные въ посланіи примѣры и свидѣтельства древности въ пользу нерасторжимости брака лицъ, переходящихъ изъ язычества или еретичества въ православіе, были слишкомъ ясны, чтобы можно было оспаривать ихъ. На случай

же, если бы преображенцы вздумали доказывать неприложимость древняго церковнаго порядка вещей къ настоящему времени, какъ такому, въ которое будто-бы нѣтъ нигдѣ православнаго священства, жители Т. представили въ посланіи всѣ тѣ разсужденія поморцевъ, вторыми послѣдніе доказывали, что бракъ законный можетъ быть заключенъ и безъ священническаго благословенія и вѣчанія. Такимъ образомъ очевидно, что, разрывая недоумѣнія жителей Т., еедосѣвцамъ Преображенскаго владыка пришлось-бы дѣлать тоже, на что вызывали ихъ и поморцы и отъ чего такъ упорно отказывался Ковылинъ; оставить же посланіе жителей Т. безъ вниманія — значило показать свою несостоятельность и — что хуже всего — дать возможность исполниться слѣдующимъ словамъ Т. еедосѣвцевъ: „когда-жъ онѣ (опредѣленія) останутся необъясненными, то сопротивники наши восторжествуютъ надъ нами и благочестіе наше всюду будетъ разорваться въ конецъ“. Имѣя въ виду все сказанное, можно представить себѣ душевное состояніе Ковылина, которому въ это время шель уже 78 годъ. Вѣрилъ ли Илья Алексѣичъ искренно въ справедливость своего ученія о бракѣ, или не вѣрилъ, во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ испытывать теперь страшную тугу сердечную, видя, что зданіе еедосѣвскаго *бракоборнаго* раскола, на утвержденіе котораго онъ употребилъ столько времени и силъ, начинаетъ колебаться еще при его жизни и что въ будущемъ ему грозитъ еще большая опасность. А послѣ этого пусть не дивится читатель, если мы скажемъ, что, скончавшись 21 августа того же 1809 года, Ковылинъ сдѣлалъ самое лучшее, что могъ при томъ безвыходномъ положеніи, въ какомъ очутился Илья Алексѣичъ къ концу

своей жизни, благодаря своему неумѣнно—сознаться въ ошибкахъ во время и—каяться въ нихъ. Жаль только, что споры еедосѣвцевъ съ поморцами о бракѣ не кончились со смертію Ковылина.

Излагая исторію споровъ о бракѣ между еедосѣвцами и поморцами со времени основанія Преображенскаго кладбища и Покровской часовни—до смерти Ковылина, мы видѣли два направленія въ рѣшеніи безценовцами спорнаго вопроса: безусловное отверженіе брачной жизни преображенцами и допущеніе безсвященно-словныхъ, заключавшихся, впрочемъ, при соблюденіи извѣстнаго рода обрядовъ и взаимныхъ между женихомъ и невестою формальныхъ обязательствъ, браковъ Покровскою часовнею. Теперь остается рѣшить вопросъ: безсвященно-словные браки поморцевъ Покровской часовни составляли-ль въ разсматриваемое нами время единственную форму брачныхъ сопряженій между безпоповцами, или продолжали существовать въ это время и другіе виды новожества, явившіеся въ безпоповщинѣ еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія и состоявшіе въ томъ, что одни изъ безпоповцевъ, слѣдуя внушеніямъ Ивана Алексѣева, заключали бракъ въ православной Церкви посредствомъ вѣнчанія, другіе вступали въ брачныя сожитія съ избранными ими женщинами по одному взаимному согласію безъ всякихъ формальныхъ согласій и обязательствъ и безъ всякаго молитвословія? На этотъ вопросъ авторъ брошюры, по поводу которой мы пишемъ свои статьи, такъ отвѣчаетъ: „когда съ образованіемъ Преображенскаго кладбища и Покровской часовни одна часть безпоповцевъ, подъ предводительствомъ Ильи Ковылина, для возстановленія въ полной силѣ прежнихъ безпоповщинскихъ идей, стала тре-

бывать отъ каждаго безпоповца безусловнаго дѣяствія, а другая имѣла съ Васильемъ Емельяновымъ рѣшительнымъ образомъ объявила необходимость и святость брачной инави, тогда уже новоженецъ въ пренемъ видѣ не могло существовать: потому что, предпочтала ли кто изъ безпоповцевъ жизнь семейную, тотъ уже, не имѣя безпоповщинъ и не нуждаясь въ снисхожденіи, имѣлъ полное право вѣнчаться въ Покровской и другихъ подобнымъ часовняхъ, или, если кто убѣжденъ былъ въ превосходствѣ едосѣвскаго дѣяствія, тотъ естественно долженъ былъ подчиниться Преображенскому кладбищу⁽¹⁾. Такъ, повидимому, едѣдоваго бы быть, но не такъ на самомъ дѣлѣ было. Независимо отъ бравовъ, заключавшихся въ Покровской часовнѣ съ благословенія Емельянова и его преемниковъ по настоятельству, были въ рассматриваемое нами время брачныя сопряженія между безпоповцами и другаго рода, и именно — одни изъ раскольниковъ вступали въ брачныя сожитія съ избранными ими женщинами — по одному взаимному согласію, не освящаемому никакимъ молитвословіемъ, другіе прямо и открыто вѣнчались въ православной Церкви. Что подобнаго рода новоженство продолжало существовать на ряду съ браками Покровской часовни, это мы уже отчасти видали, когда говорили объ отступленіи отъ правилъ Преображенскаго кладбища иногороднихъ, не московскихъ едосѣвцевъ. Такъ уже соборъ петербургскихъ едосѣвцевъ, бывшій въ 1791 г., упоминаетъ о „христіанахъ вновь поженвшихся въ церквахъ иновѣрныхъ“, а равно и о такихъ, кои „сами собою опромъ Вошія закона и молитвъ

(1) Споры безпоповц. Преобр. кладб. и Покров. часовн. о бракѣ стр. 68.

іерейскихъ синодальскъ“ (1). Въ собраніи писемъ, посланныхъ Преображенскимъ кладбищемъ въ Красный Колодезь (въ 1798 г.) и въ Тихвинъ (въ 1799 г.), говорится о „разнообразно и беззаконно брачующихся“ едосѣвцахъ (2). Въ „подкрѣпленіи“ на статьи, посланныя (въ 1804 г.) едосѣвцами Преображенскаго кладбища въ Сибирь, осуждаются „сильные охотники“, которые вступали въ бракъ „за еретическимъ тайнодѣйствіемъ“ (3), т. е. вѣнчались въ православной Церкви. Въ письмѣ настоятеля едосѣвцевъ „Кинешемскихъ и Казанскихъ низовыхъ странъ“, писанномъ въ 1798 г., упоминаются „христиане, новопоженившіеся разными образами“ (4). Въ „подкрѣпленіи“ на статью о новоженахъ, помѣщенномъ въ 37 главѣ указаннаго сборника, говорится „о новоженческихъ разнообразно бываемыхъ снестеніяхъ“ и замѣчается, что „у сихъ глаголемыхъ новоженовъ многіе имѣются новые браки по свойству дѣйства“ и что „первый ихъ и любезный бракъ, еще отъ еретикъ вѣнчаніе принимати, или по ихъ еретической церемоніи, или по старопечатному требнику, отъ поповъ, полныхъ еретичества“. Наконецъ, изъ опредѣлений собора петербургскихъ едосѣвцевъ 1709 г. мы видѣли, что многіе изъ столичныхъ едосѣвцевъ не только „безъ вѣнчанія по согласію сходились“, но и „вѣнчались въ церквахъ иновѣрныхъ“ (т. е. православныхъ), что „въ церкви же еретическія“ (т. е. православныя) они посмѣли вѣнчаться и своихъ дѣтей, и что, наконецъ, многіе изъ петербургскихъ едосѣвцевъ

(1) Писемъ Глукина, Сборн. публ. библ. № 474, гл. 11.

(2) Тамъ же гл. 23, 24 и 26.

(3) Тамъ же гл. 31.

(4) Тамъ же гл. 34.

разсматриваемаго времени выдавали даже своихъ дочерей замужъ за православныхъ молодыхъ людей, а сыновей своихъ женили на православныхъ дѣвицахъ, вслѣдствіе чего, разумѣется, браки ихъ заключались въ Церкви (1). А послѣ всего сказаннаго не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и по смерти Ивана Алексѣева—при жизни Ильи Ковылина, кромѣ браковъ Покровской часовни, существовали между безпоповцами и именно—еодосѣвцами браки и другаго рода, и именно, какъ освящавшіеся церковнымъ благословеніемъ, такъ и заключавшіеся по одному взаимному согласію жениха и невѣсты, и слѣдовательно новоженство прежняго времени не уничтожилось со введеніемъ брачной жизни въ Покровской часовнѣ. Чѣмъ же объяснить это явленіе?

Прежде всего, по правиламъ Покровской часовни, каждый еодосѣвецъ могъ вступить въ бракъ по ея обрядамъ не прежде, какъ оставивъ предварительно свое общество и навсегда присоединившись къ поморскому Монинскому согласію. Но рѣшиться на такой шагъ, очевидно, могъ не всякій послѣдователь Преображенскаго кладбища—и потому, что въ такомъ случаѣ ему нужно было признать ошибочными тѣ самыя мнѣнія, съ которыми онъ съ дѣтства свыкся, какъ съ правыми и спасительными, и отреченія отъ которыхъ Покровская часовня требовала отъ каждаго еодосѣвца, желавшаго быть ея послѣдователемъ (2),—и потому, что, переходя на сторону Покровской часовни, онъ долженъ былъ разорвать всѣ связи съ своими прежними едино-

---

(1) Сборн. для иет. Старобр.: Попова т. 1, стр. 24, 25 и 27; свес. Пандектъ Гнусина гл. 38; Собр. постанов. по ч. раск. кн. 2, стр. 86.

(2) См. объ этомъ въ брошюрѣ „Что такое современное старообрядчество въ Россіи“, Попова, стр. 42—46.

вѣрцами и даже родственниками, — связи не только нравственные, но и матеріальныя; а для еедосѣвцевъ, отличавшихся пристрастіемъ къ деньгамъ и вообще къ богатству — до того, что за это укоряли ихъ раскольники другихъ толковъ (1), это послѣднее обстоятельство было немаловажно. Съ другой стороны, хотя многіе изъ еедосѣвцевъ, и по собственному опыту, и вслѣдствіе убѣжденій поморцевъ Покровской часовни, ясно понимали, что всеобщее дѣвство, требуемое Преображенскимъ кладбищемъ, — утопія, рѣшительно не осуществимая въ жизни и потому во избѣжаніе разврата считали необходимою брачную жизнь, — тѣмъ не менѣе, держась въ пониманіи брака строго церковнаго взгляда и смотря на него, какъ на таинство, совершать которое можетъ только пастырь Церкви, они, разумѣется, не могли для заключенія своихъ браковъ обращаться къ Покровской часовнѣ, раздававшей благословенія вступающимъ въ брачныя сожитія рукою наставника — мірянина. Такія безсвященнословныя сопряженія, по мнѣнію еедосѣвцевъ, были тѣ же блудодѣянія, только гласныя, открытыя. Что же послѣ этого оставалось дѣлать этимъ людямъ, сознававшимъ нужду въ брачной жизни и не имѣвшимъ „согласнаго единомудрствующаго священника“, который бы могъ благословить ихъ на бракъ? Оставалось обращаться къ „попамъ еретическимъ“ и ихъ благословеніемъ утверждать свои брачныя сопряженія. Разумѣется, не безъ смущенія въ совѣсти поступали такъ многіе изъ еедосѣвцевъ; но ихъ успокаивали въ этомъ случаѣ частію сознаніе того, что они вступаютъ въ общеніе съ „еретическою“ церковію только

---

(1) Кельсіева вып. 4, стр. 232—234.

вслѣдствіе крайней нужды, — частію не забывшаяся еще проповѣдь Ивана Алексѣева о томъ, что вѣнчавшемуся по необходимости въ еретической церкви, если только онъ „не обязывается еретическими обѣты“, не вѣнчается въ вину его вѣнчаніе, особенно, если онъ понесетъ за это временную эпитимію, что и соблюдалось между еедосѣвцами, и — наконецъ примѣръ единовѣрцевъ прежняго времени. Мы видѣли выше (1), что еще въ первой четверти прошлаго столѣтія тѣ изъ Рязинскихъ еедосѣвцевъ, кои сознавали нужду въ брачной жизни, обращались для заключенія своихъ браковъ къ православнымъ священникамъ. Также поступали многіе изъ еедосѣвцевъ и послѣ, когда началась проповѣдь въ пользу брака Ивана Алексѣева (2). Это обращеніе къ православной Церкви многихъ еедосѣвцевъ для заключенія ея молитвами браковъ, начавшееся такъ давно и имѣвшее своимъ источникомъ, вѣроятно, благосклонный взглядъ основателя еедосѣвской секты на браки, вѣнчанные въ православной Церкви, — теперь — въ разсматриваемое нами время — должно было усилиться еще больше — вслѣдствіе новыхъ болѣе мягкихъ отношеній къ расколу власти, какъ свѣтской, такъ и духовной. Спокойная, чуждая преслѣдованій, жизнь раскольниковъ въ царствованіе Екатерины II-й и послѣ была причиною того, что многіе изъ еедосѣвцевъ, подобно раскольникамъ другихъ сектъ и толковъ, стали сближаться съ православнымъ обществомъ, — прежній фанатизмъ ихъ болѣе и болѣе слабѣлъ, и наконецъ дѣло дошло до того, что многіе изъ послѣдователей Преображенскаго кладбища, особенно сельскихъ, стали обращаться

(1) Сж. Хр. Чтеніе 1866 г. августъ, стр. 239—240.

(2) Хр. Чтеніе 1866 г. октябрь, стр. 429—439.

къ православнымъ священникамъ даже за разнаго рода требамн. „По многимъ мѣстамъ сельскихъ жительство, жаловались еедосѣвцы Преображенскаго кладбища, умздѣвають поповъ, дабы вносили ихъ въ книги съ причитающимися, — дѣтей крещаютъ, въ случаѣ смерти относятъ на погребеніе и даютъ на поминовеніе, — даютъ вклады въ церковное строеніе и на свѣщи и пр., все (всѣ) себя явно даютъ вѣдати, что они во всемъ внѣшнихъ церквей сообщники и послушники, даже и въ дома своя впускаютъ съ ихъ святынею и работою помогаютъ для церквей. И сіе все, замѣчали фанатики, великому рыданію достойно и весьма близко совершеннаго отступства и отреченія православныя вѣры“ (1). На то же общеніе еедосѣвцевъ съ православною святынею жаловался въ свое время и Евѳимій, основатель секты странниковъ: „мнози людіе, въ познаніи древняго благочестія суще, здѣ въ Ярославской странѣ и въ самомъ градѣ, еже мно и по прочимъ странамъ быти, обаче здѣ множае видится, таковъ разумъ имуще: кому уже близъ дверей смертныхъ быти, то первѣе онъ или она требуетъ къ себѣ духовника отъ никоніанскія церкви, той же пришедъ, исповѣдавъ ее или его, причаститъ и масломъ пособоруетъ... сіе творимо видится въ еедосѣвскихъ“. Затѣмъ если случалось умирать больному, еедосѣвцы снова обращались къ попу съ просьбою о погребеніи умершаго, „вручающе ему за трудъ овъ пять рублевъ, инъ десять“ (2). По словамъ Евѳимія, многіе изъ „прилагавшихся великороссійской Церкви“ еедосѣвцевъ принимали къ себѣ въ дома православныхъ священниковъ

(1) Сборн. для ист. старообр. Попова т. 1, стр. 96.

(2) Сборн. правит. свѣдѣній о расколѣ Кельсиева. вып. 4, стр. 251 и 257.

даже во время праздниковъ, причемъ угощали ихъ трапезой и давали имъ „за святость или за праздничный молебень“, кто что могъ, — „хлѣбъ, пироги, каровай, овъ жито, а инъ деньги“ (1). Само собою разумѣется, что все это дѣлалось едосѣвцами немскренно, притворно, съ заднею мыслию—скрыть отъ глазъ власти и православнаго общества свое отступничество (2), тѣмъ не менѣе очевидно, что подобные послѣдователи Преображенскаго владѣльца уже не могли особенно стѣсняться вѣнчаніемъ въ православныхъ храмахъ, если кому-либо изъ нихъ приходила мысль завестись женой; а между тѣмъ, вступая въ брачную жизнь съ благословенія церкви, едосѣвцы тѣмъ самымъ не только избавлялись отъ всѣхъ тяжелыхъ послѣдствій, какимъ неизбежно подвергаются люди, вступающіе въ непризнанныя закономъ сожителства, но даже приобрѣтали извѣстнаго рода выгоды. Въ 1764 г. (марта 3), вопреки постановленію 1722 г. (мая 15), которымъ всякій, кто крестился двумя перстами, хотя бы онъ повиновался святой Церкви и принималъ всѣ церковныя таинства (3), признавался раскольникомъ и подвергался двойному окладу, былъ изданъ указъ, въ которомъ говорилось: „что же касается до тѣхъ, кои православной Церкви не чуждаются и таинства церковныя отъ православныхъ священниковъ пріемлютъ, а только въ застарѣлыхъ и безразсудныхъ нѣкоторыхъ по суевѣрію остаются обычаяхъ, не развращающихъ ни слова Божія, ниже догматовъ и правилъ церковныхъ; то оныя не токмо отъ входа церковнаго и отъ таинствъ ея св. Синодомъ не

(1) Тамъ же, стр. 256.

(2) Тамъ же, стр. 267.

(3) Сборн. постановл. по ч. раск. кн. 1, стр. 35.

отлучаются, но и за раскольниковъ тѣмъ же Синодомъ не признаваемы, въ надѣяніи томъ, что они со временемъ, по благоразумію и кроткому наученію священниковъ, то свое безразсудное упрямство оставить и православную вѣру совершенно познавъ, во всемъ Церкви святой повиноваться будутъ; почему и отъ наложеннаго двойнаго оклада освобождаются“ (1). А послѣ этого понятно, что на основаніи этого указа многіе изъ еедосѣвцевъ, особенно сельскихъ, затруднявшихся по своей бѣдности „окупать древнее благочестіе“, могли принимать отъ Церкви таинство брака и другія таинства даже для того, чтобы этимъ избавиться отъ платежа двойнаго оклада. Когда же въ 1782 году раскольники были совершенно освобождены отъ двойнаго оклада, явилось новое обстоятельство, которое могло побуждать нѣкоторыхъ изъ еедосѣвцевъ вступать въ браки съ благословенія православной Церкви. Многіе „церковные начальники и приходскіе священники Высочайшій указъ о снятіи двойной подати употребили въ такомъ непристойномъ предразсужденіи, что якобы, по снятіи двойныхъ податей, обязанъ каждый раскольникъ тотчасъ приступить къ исполненію правилъ святой Церкви“ и на этомъ основаніи стали „усильственно настаивать, дабы бывшіе“ до того времени „въ расколѣ неминуемо и въ скоромъ времени приходили къ принятію исповѣди и св. таинъ“, а равно и другихъ таинствъ (2). Неудивительно, что при такомъ образѣ дѣйствій со стороны приходскаго духовенства нѣкоторые изъ еедосѣвцевъ, чтобы избѣжать разнаго рода неприяностей и

(1) Полн. собр. зак. т. XVI, № 12,067.

(2) Истор. Мин. Внутр. дѣлъ, Варадинова кн. 8, стр. 38; собр. постанов. по ч. раскола книга 1, стр. 713—714.

притѣсненій, начали ходить въ православныя храмы и принимать всѣ таинства Церкви (1) и, въ случаѣ желанія вступать въ бракъ, вѣнчались у своихъ приходскихъ священниковъ. Съ другой стороны и власть церковная, въ силу указа 3 марта 1764 г. должна была дѣйствовать теперь въ отношеніи къ заблуждающимъ нѣсколько иначе, чѣмъ какъ дѣйствовала она прежде. И мы видимъ дѣйствительно, что тогда какъ въ прежнее время раскольникъ, желавшій вступить въ бракъ съ благословенія Церкви, могъ исполнить свое желаніе не иначе, какъ принявъ предварительно православіе (2), теперь (въ 1777 г.) Св. Синодъ издаетъ указъ, которымъ, — на основаніи указа 1764 г. марта 27 дня, опредѣлившаго не считать за раскольниковъ и не отлучать отъ входа церковнаго и таинствъ тѣхъ, „кои двоеперстнымъ сложениемъ по своему неразумію крестятся“ (3), — разрѣшаетъ приходскимъ священникамъ вѣнчать раскольниковъ безъ всякихъ обязательствъ со стороны заблуждающихъ, „чтобы они, по выраженію указа, чрезъ удаленіе отъ Церкви въ вѣщшее развращеніе и беззаконіе впадать не могли“ (4), при чемъ обязываетъ священниковъ, „чтобы они, какъ за вѣнчаніе у раскольниковъ браговъ, такъ и за отправленіе другихъ церковныхъ требъ, сверхъ увазнаго положенія, взятковъ отнюдь не брали, и никакимъ образомъ не домогались, подѣ лишеніемъ чиновъ своихъ“. Такимъ образомъ съ 1777 г. еодосѣвцы, равно какъ и другіе безпоповцы; могли вѣнчаться въ православныхъ храмахъ, уже не обяза-

(1) Кельсѣва вып. 1, стр. 267.

(2) Сборн. постан. по ч. раск. кн. 1, стр. 34 и 308.

(3) Тамъ же стр. 605.

(4) Тамъ же, стр. 694.

ваясь подпискою въ томъ, „чтобы имъ впредь расколу не содержать, но быть въ правовѣрїи твердымъ“. Если же кому-либо изъ послѣдователей Преображенскаго кладбища не нравилась „еретическая брачная церемонія“, т. е. чинъ вѣнчанія, какъ онъ изложенъ въ новопечатныхъ требникахъ, онъ могъ легко избѣжать въ разсматриваемое нами время и этой неприятности. Съ 1784 года раскольники получили право „имѣть особыя церкви и отправлять въ нихъ чрезъ полученныхъ отъ епархіальныхъ архіереевъ священниковъ служеніе по старопечатнымъ книгамъ“ (1). Значить, еедосѣвцы, въ случаѣ нерасположенія къ брачной церемоніи, совершавшейся въ православныхъ церквяхъ, могли обращаться за освященіемъ своихъ брачныхъ сопряженій въ церкви единовѣрческія. И мы уже видѣли выше, что многіе такъ и поступали, „принимая вѣнчаніе по старопечатному требнику“. Наконецъ, тѣ изъ петербургскихъ еедосѣвцевъ, которые женили своихъ сыновей на православныхъ дѣвицахъ, а дочерей своихъ выдавали замужъ за православныхъ молодыхъ людей, причемъ браки тѣхъ и другихъ вѣнчались въ православныхъ храмахъ, поступали такъ не по убѣжденіямъ какимъ либо, а единственно по расчету—съ цѣлю пристроить своихъ дѣтей въ „ніконіанскіе богатые дома“ (2). Что же касается тѣхъ еедосѣвцевъ, которые вступали въ сожителство съ избранными ими женщинами безъ вѣнчанія, по одному взаимному согласію между собою, то это были большею частію фанатики, которымъ ненависть къ православной Церкви не позволяла обращаться къ пастырямъ за благословеніемъ на бракъ,

(1) Тамъ же, стр. 7.

(2) Сборн. для ист. стар. Поп. т. I, стр. 52.

которые съ недоувѣрjemъ смотрѣли и на единовѣрческихъ священниковъ, какъ получавшихъ благодать священства отъ „еретичествующихъ“ архiereевъ, но которые въ тоже время не находили въ себѣ достаточно силъ, чтобы цѣлую жизнь пребывать въ строгомъ дѣвствѣ, или— люди дурной нравственности, избравшіе такую легкую форму брачнаго сопряженія для того, чтобы, въ случаѣ охлажденія страсти, можно было безъ всякой отвѣтственности предъ закономъ бросить мнимую жену и или обзавестись другою, болѣе вкусною, или даже снова принять на себя роль дѣвственника.

Все, что мы говорили доселѣ, касается главнымъ образомъ еедосѣвцевъ; но есть основаніе думать, что указанные нами виды новоженства существовали въ разсматриваемое нами время и между поморцами. Такъ 1808 г. до свѣдѣнія правительства дошло, что нѣкоторые изъ поморцевъ Нижегородской губерніи заключали браки только по благословенію родителей (1). Въ 1815 г. синодальный оберъ-прокуроръ, князь Голицынъ, предлагалъ на усмотрѣніе Св. Синода рапортъ секретаря тобольской консисторіи „по дѣлу о повѣнчаніи вознесенскими священно и церковнослужителями крестьянъ: Іоакима Пушкарева съ дѣвкою Анною Зориною и Прокіпія Долгушина съ дѣвкою же Гликеріею Васильевою, состоявшихъ въ старообрядствѣ поморскаго толка“ (2). Нѣтъ сомнѣнія, что и въ другихъ мѣстахъ нѣкоторые изъ поморцевъ вступали въ браки съ благословенія православной Церкви, хотя свѣдѣній объ этомъ мы и не имѣемъ. Что же заставляло искать освященія своимъ брачнымъ сопряженіямъ въ православныхъ храмахъ,

(1) Ист. мин. внутр. дѣлъ Варадинова кн. 8, стр. 61.

(2) Собр. постановл. по ч. раск. кн. 2, стр. 100—104.

или даже вступать въ браки безъ всякаго освященія ихъ, по одному взаимному согласію и благословенію родителей,—поморцевъ, которые имѣли въ это время въ Москвѣ Покровскую часовню, щедро раздававшую своимъ послѣдователямъ благословеніе на брачную жизнь? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы должны сказать, что какъ ни убѣдительно, повидимому, доказывали Емельяновъ, Скачковъ, Заяцевскій и другіе законность (догматическую) браковъ, заключавшихся въ Покровской часовнѣ, тѣмъ не менѣе большинство поморцевъ едва ли способно было понять надлежащимъ образомъ всю силу „доводовъ“, которыми защитники брачной жизни подтверждали правильность безсвященнословныхъ браковъ. А между тѣмъ всѣ и каждый сознавалъ хорошо, что „заведенное въ царствующемъ градѣ Москвѣ нѣкими христіанами толкованіе брака“—было новостью въ расколѣ и что „прежніе отцы“ ясно и опредѣленно учили, что бракъ законный можетъ быть заключенъ только „епископомъ или тоя парохіи пресвитеромъ“. А наконецъ и сами защитники безсвященнословныхъ браковъ не отрицали того, что болѣе правильная форма заключенія брака—та, когда онъ совершается съ благословеніемъ священника, и что „содѣйствіе законнаго брака, бываемое безъ священнослуженія, только прощенія достойно“ (1). А послѣ этого не удивительно, если многіе изъ поморцевъ, особенно иногороднихъ, убѣжденные сочиненіями покровцевъ, а еще болѣе собствен-

---

(1) Споры безпоповц. Преображ. кладб. и Покр. часовни о бракѣ стр. 26; по словамъ г. Полова, покровцы даже признавали бракъ, совершенный въ правосл. Церкви, дѣйствительнымъ („Что такое современное старообрядство въ Россіи“, стр. 40); но это извѣстіе едва ли справедливо, потому что иначе не для чего было бы имъ заводить особый чинъ для заключенія своихъ браковъ.

нымъ опытомъ, въ необходимости и святости брачной жизни, затруднялись однакоже вступать въ безсвятенословныя брачныя сопряженія—по обрядамъ Псковской часовни, а вѣнчались, подобно еедосѣвцамъ, то въ церквахъ православныхъ, то въ единовѣрческихъ, успокоивая себя въ этомъ случаѣ тою же „крайнею нуждою“, на которую указывали и еедосѣвцы, вѣнчавшіеся въ православныхъ храмахъ. Притомъ и сами покровцы, преслѣдуя еедосѣвскій развратъ, который послѣдователи Преображенскаго кладбища оправдывали „неимѣниемъ православнаго священства“ для заключенія браковъ, говорили, что лучше вѣнчаться въ церкви еретической, чѣмъ предаваться разврату. „Аще и тяжекъ грѣхъ, еже вѣнчаться у еретикъ, писалъ Анисимовъ (1), но любодѣянiя грѣхъ не въ примѣръ сему тягчае. Ибо когда отступникамъ изможенъ чинъ прiятiя и прощенiя, вольнымъ отступникамъ на два лѣта, а по неволѣ отступившимъ на 12 недѣль,—зри потребникъ глав. 77 и 78; любодѣю же ни чрезъ весь вѣкъ показанiя нѣсть, аще не первѣе расторгнетъ севернаго своего любодѣйнаго сожитiя и разлучитъ себя другъ отъ друга; по расторженiи же ему епитимiя на 7 лѣтъ, а прелюбодѣю на 15 лѣтъ. Видѣть, колико разнствiе между отступникомъ и любодѣемъ“. И хотя Анисимовъ замѣчалъ, что онъ пишетъ это не для того, чтобы „хвалить вѣнчанiе у еретикъ“, а чтобы только показать, что „вѣнчавшемуся у еретикъ удобiе покаянiе, нежели любодѣю, ибо той не мыслитъ болѣе о томъ грѣхѣ, егоже сотвори, но развѣ точiю воспоминаетъ на умъ, каея Богу о томъ, любодѣи же аще и кается,

(1) „О раздѣленiи христiанъ“ рум. Публ. библ. № 38 по отдалу бракоб. сочин.

но любодѣйцы своей не отлучается“, — тѣмъ не менѣе не трудно было вывести изъ словъ Анисимова и другое заключеніе, именно то, что въ случаѣ нужды можно вѣнчаться и въ „еретической“ церкви, какъ и дѣлали тѣ изъ поморцевъ, которымъ непонятна была правильность безсвященнословныхъ браковъ Покровской часовни. Была и еще причина не менѣе важная, по которой нѣкоторые поморцы, сознавшіе нужду въ брачной жизни, рѣшались лучше вѣнчаться въ „церкви еретической“ (т. е. православной), чѣмъ въ Покровской часовнѣ. Это — непризнание властію безсвященнословныхъ браковъ Покровской часовни *законными* браками. Правда, современные намъ защитники безсвященнословныхъ раскольническихъ браковъ стараются доказывать, будто еще со временъ Петра I-го правительство наше признавало законными браки раскольниковъ, заключавшіеся въ Церкви — безъ вѣнчанія, и для этой цѣли ссылаются на указы Петра I-го отъ 9-го октября 1718 г. и отъ 24-го марта 1719 г. и на указы Елисаветы II-й отъ 14-го декабря 1762 г. и отъ 17-го марта 1775 года (1), но — напрасно. Обращаясь къ полному собранію законовъ, мы дѣйствительно находимъ подъ означенными годами указы, въ которыхъ рѣчь идетъ о раскольникахъ и о бракахъ раскольническихъ, заключавшихся безъ церковнаго вѣнчанія; только имъ основанія этихъ указовъ никакъ нельзя думать, будто власть признавала законность подобныхъ браковъ. Такъ указомъ 9-го ок-

---

(1) „Историческое извѣщеніе о безпрерывномъ продолженіи законнаго брака въ старовѣрахахъ“, л. 2-й. Это — небольшая брошюра, изданная въ прошломъ 1866 г. за границей въ той же типографіи, которая напечатала „Сборникъ о бракахъ“, „Царскій путь“ и др. соч. См. также Кельсера вым. 4-й, стр. 217.

тября 1718 г. (1) только повелевалось „всѣхъ раскольниковъ, кто-бъ каковаго званія ни былъ, переписать и положить въ (двойной) окладъ“; о бракахъ раскольническихъ въ этомъ указѣ нѣтъ ни слова. Что же касается указа 24-го марта 1719 года (2), то имъ дѣйствительно налагался на раскольниковъ, которые „женятся тайно не у Церкви, безъ вѣчныхъ памятей, особливый сборъ, а именно рубля по три съ человѣка мужеска и женска полу, на обѣ стороны поровну, а съ богатыхъ и больше“;—но думать на основаніи этого указа, будто Петръ I-й признавалъ законность раскольническихъ безсвященнословныхъ браковъ, значить впадать въ большую ошибку. Петру нужны были деньги на постройку Петербурга, на устройство флота, на прорытіе каналовъ, на непрерывныя войны и проч. и проч., и вотъ онъ рѣшился обратить въ статью государственнаго дохода не только расколъ вообще, положивъ двойной окладъ на всѣхъ раскольниковъ за то единственно, что „по упрямству своему обращаться къ святой Церкви и въ соединеніи съ правозѣрными они быть не хотѣли“ (3), но — и частныя проявленія сектанства заблуждающихъ въ родѣ, напр. браковъ ихъ, заключавшихся безъ церковнаго благословенія, бороды и проч. Но какъ двойной окладъ, платимый раскольниками, не препятствовалъ Петру считать послѣдователей старины „лютыми непріятелями, и государству и государю непрестанно зло мыслящими“ (4), а „раскольническіе дѣла—злудѣйственными“ (5), и въ случаѣ дур-

(1) Полн. собр. зак. т. V, № 3232.

(2) Полн. собр. зак. т. V, № 3340.

(3) Собр. постан. по част. раск. кн. 1, стр. 54.

(4) Полн. собр. зак. т. VI, № 3718.

(5) Собр. пост. по част. раск. кн. 1, стр. 99.

наго расположенія духа—преслѣдовать заблуждающихъ и батогами, и кнутомъ, и вискою, и ваторгою, и галерами, а въ случаѣ упорства „пытать ихъ до обращенія (къ Церкви), или до смерти“ (1), такъ точно и особенный сборъ съ раскольниковъ въ три рубля, которыми, повидимому, давалось заблуждающимъ право заключать браки по своему усмотрѣнiю, не помѣналь живъ въ 1722 году (мая 15-го) указу, въ которомъ о брачныхъ сопряженiяхъ раскольниковъ говорилось слѣдующее: „обонхъ расколъ держащихъ лицъ не вѣнчать; а если и безъ церковнаго вѣнчанiя жить собою стануть, допросить. И кто вѣнчалъ, или безъ вѣнчанiя живутъ, и того вѣнчавшаго сыскать къ наказанiю, да и вѣнчавшіеся, яко своего обѣщанiя (которое при записыванiи своемъ въ явный расколъ съ роспискою учинили) преступники, наказанiю подлежатъ. А если сами собою сожитiе восприяли, за то ихъ, яко *законопреступниковъ* явныхъ, звать на судъ архіерейскій; а если же не похотятъ сказать, кто вѣнчалъ ихъ, или безъ всякаго вѣнчанiя жились, то взяты будутъ въ розыскъ“ (2). А что такое составлялъ для раскольниковъ розыскъ въ царствованiе Петра I-го, при существованiи преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцелярiи, — объ этомъ, кажется, нѣтъ нужды много говорить послѣ того, какъ появились въ свѣтъ изданiя г. Есипова: „Раскольниковы дѣла XVIII столѣтiя“. Но такъ какъ, не смотря на вышеприведенный указъ 15-го мая 1722 года, раскольники продолжали вѣнчаться у бѣглыхъ „поповъ по суетному ихъ раскольниковскому мнѣнiю“ и даже у „непосвященныхъ“, то въ преслѣченiе подобныхъ

(1) Раск. дѣла XVIII стол. Есипова, т. II, стр. 271.

(2) Полн. собр. зак. т. VI, № 4009 и 8-й.

злоупотреблений въ томъ же 1722 году іюля 10-го изданъ былъ сенатомъ „обще съ синодомъ“ новыи указъ, которымъ опредѣлялось поповъ, а равно и „непосвященныхъ“, вѣнчавшихъ раскольническіе браки, „сыскивать“ и послѣ допросовъ „отсылать для наказанія и ради ссылки на галеры къ свѣтскимъ управителямъ, а движимое ихъ и недвижимое имѣніе отписывать на его императорское величество и содержать подѣ синодскимъ вѣдѣніемъ“. Такою мѣрою власть хотѣла совершенно „пресѣчь“ раскольническіе браки, а равно и другіи „творимыя у нихъ требы“ (1), и заставить раскольниковъ вѣнчаться „отъ православныхъ іереевъ—по чину церковному и по новонаправленнымъ требникамъ“. Подобный же взглядъ законодательства на раскольническіе браки, заключавшіеся „не у Церкви“, существовалъ и послѣ Петра I-го до Екатерины II-й (2); безсвященнословныя брачныя сопряженія раскольниковъ считались прелюбодѣніемъ, а дѣти, раждавшіеся отъ такихъ сопряженій,—незаконнорожденными. Екатерина II, вызывая изъ-за границы бѣглыхъ раскольниковъ и предоставляя имъ разнаго рода льготы, въ своемъ указѣ 1762 года 14-го декабря сослалась между прочимъ и на указъ Петра I-го объ особливомъ сборѣ съ раскольниковъ за вѣнчаніе ими браковъ „не у Церкви—безъ вѣчныхъ памятей“ (3); но изъ этого опять не слѣдуетъ, будто правительство хотѣло этимъ показать раскольникамъ, что оно признаетъ и будетъ признавать безсвященнословныя ихъ браки законными. Послѣ Петра

(1) Тамъ же № 4062.

(2) Полн. собр. зак. т. IX, № 6928; Собр. постановл. по частн раск. кн. 1, стр. 141, 239, 304, 415, 585.

(3) Полн. собр. зак. т. XVI, № 11725.

нѣкоторыя изъ его узаконеній касательно раскольниковъ были отиѣнены властію и при томъ не въ пользу раскольниковъ. Благоговѣя предъ великою личностію русскаго преобразователя и въ то же время желая смягчить строгость мѣръ, употребившихся противъ раскольниковъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, Екатерина, повторяя въ своемъ манифестѣ указы Петра относительно раскольниковъ и въ томъ числѣ указъ 24-го марта 1719 года, хотѣла только этимъ возстановить законодательство Петра касательно заблуждающихъ и тѣмъ выразить свое уваженіе къ „отцу отечества“, но ничуть не думала узаконять безсвященнословныхъ раскольническихъ браковъ. По крайней мѣрѣ въ такомъ смыслѣ поняла указаніе Екатерины на указъ Петра о раскольническихъ бракахъ власть церковная, которая и въ царствованіе этой государыни продолжала непризнавать законности брачныхъ сопряженій раскольниковъ, и притомъ не только тѣхъ, которыя совершались безсвященнословно, но даже и тѣхъ, которыя заключались раскольническими попами посредствомъ вѣнчанія (1), и требовала по прежнему, чтобы раскольники вѣнчались у православныхъ священниковъ (2). Что же касается указа 17-го марта 1775 года, на который раскольники также ссылаются въ подтвержденіе своей мысли о томъ, будто безсвященнословные браки ихъ признавались законными въ царствованіе Екатерины, то въ немъ нѣтъ даже и намека на подобную мысль. Все, что говорится въ немъ о бракахъ, ограничивается слѣдующею милостію государыни: „гдѣ въ которой области имперіи нашей состоятъ запрещеніе вступать въ

(1) Собр. постан. по части раск. кн. 1, стр. 754—756.

(2) Тамъ же стр. 694.

бракъ безъ дозволенія губернаторскаго или градоначальника, и за такое дозволеніе собирается сборъ или деньгами, или скотомъ, чрезъ сіе Всемилостивѣйше отрѣшаемъ такое запрещеніе и сборъ и дозволимъ всякому роду и поколѣнію людей вступать въ бракъ безъ подобнаго дозволенія и платежа“ (1). Въ приведенныхъ словахъ указа, какъ читатели могутъ видѣть, нѣтъ и рѣчи о бракахъ раскольническихъ, не только признанія ихъ законности. Такимъ образомъ тѣ основанія, на которыхъ современные намъ безпоповцы стараются утвердить свою мысль о томъ, будто во времена Петра I-го и Екатерины II-й власть признавала законность (гражданскую) безсвященнословныхъ раскольническихъ браковъ, оказываются несостоятельными. Что же касается царствованія императора Павла и первыхъ лѣтъ царствованія Александра Благословеннаго,—того времени, которымъ заканчивается изложенная нами выше исторія споровъ между раскольниками о бракъ, — то есть основаніе думать, что и въ это время власть смотрѣла на раскольническіе браки не менѣе строго. Подъ 1806 годомъ мы находимъ указъ св. синода, которымъ бракъ раскольника-поповца съ раскольницею же, вѣнчанный въ 1799 году по-раскольнически на московскомъ Рогожскомъ кладбищѣ—въ часовнѣ бѣглымъ попомъ Егоромъ, признанъ „беззаконнымъ“ (2). Въ 1808 году „въ слѣдствіе донесенія воронежскаго епископа Арсенія по дѣлу о пяти бракахъ разныхъ станицъ казачьихъ дѣтей, повѣнчанныхъ старообрядческими попами въ простыхъ домахъ и часовняхъ“, св. синодомъ было „положено: поелику вышеозначенные браки вѣнчаны вѣ

(1) Полн. собр. зак. т. XX, № 14275.

(2) Собр. постановл. по части раск. кн. 2, стр. 47—50.

церкви, въ домахъ и часовняхъ, и неизвестными бра-
дитами, то и не могутъ они быть признаны за браки
законныя, а за сопряженія любодѣйныя⁽¹⁾. Въ томъ
же году въ свѣдствіе донесенія тобольскаго архіепископа
Амвросія о старообрядцѣ тюменской округи Леонтіи
Паклинѣ, учинившемъ, при живой женѣ своей, съ дѣв-
кою Аграфеною Семеновою прелюбодѣяніе и прижи-
вшемъ отъ того младенца, св. синодъ въ своемъ опре-
дѣленіи высказалъ ту мысль, что ежели старообрядецъ
Паклинъ вѣнчалъ съ называемою его женою въ пра-
вославной церкви, въ такомъ случаѣ онъ подмѣнитъ
епитимію, какъ прелюбодѣй; но если бракъ его не былъ
совершенъ въ православной церкви, — въ такомъ слу-
чаѣ онъ не больше, какъ блудникъ⁽²⁾. А изъ этого
ясно, считала ли церковная власть раскольническіе бра-
ки законными. Въ томъ же 1808 году московскій мит-
рополитъ Платонъ доносилъ, что мѣщанка Еремѣева,
вышедшая въ 1808 году замужъ за раскольника—мѣ-
щанина Аванасьева и повѣнчанная съ нимъ на Рогож-
скомъ кладбищѣ, просить о присоединеніи ея изъ рас-
кола къ св. Церкви и о разводѣ ея съ мужемъ. На та-
кое донесеніе св. синодъ, согласно мнѣнію московской
консисторіи, утвержденному митрополитомъ Платономъ,
постановилъ: „бракъ Еремѣевой съ Аванасьевымъ, яко
совершенный на раскольническомъ кладбищѣ непра-
вильно, разторгнуть и почитать за ничто и чтобы они
другъ друга впредь въ супружествѣ не почитали, и
единъ женою, а другая мужемъ не именовали и не пи-
сали, въ томъ ихъ обязать подписками“⁽³⁾. Если же

(1) Тамъ же стр. 76.

(2) Тамъ же стр. 76.

(3) Тамъ же стр. 79—80.

власть не признавала законными браки раскольническо-новоземские, заключавшіеся съ благословенія коихъ и бѣглыхъ, но все же и понынѣ, то само собою понимая, что еще менѣе она могла признавать законность браковъ беспоповщинскихъ, заключающихся безъ всякаго пресвитерскаго вѣщанія—по одному благословенію икстаивника-мірянина, какъ дѣлалось это напр. въ Царской часовнѣ. Такъ на самомъ дѣлѣ и было. Въ 1800 году, въ которомъ скончался Ковылинъ, прославшій пресвященный Антоній, по повелѣнью вступившаго старообрядца беспоповщинскаго толка, крестьянина Андрея Иванова, въ беззаконное сожитіе, подъ именемъ старообрядческаго брака, съ уклоняющею отъ исповѣди и причастія св. Таинъ дѣвкою Прасковьею Прокофьевною, испрашиваеъ у св. синода разрѣшенія, какъ ему поступать въ подобныхъ случаяхъ. Синодъ опредѣляетъ положеніе: „ноеліку сопряженія подъ видомъ старообрядческихъ браковъ, и притомъ въ незвѣстности составленная, не могутъ быть признаны по правиламъ, православною Церковію содержимымъ, за браки, а надлежитъ признавать ихъ за сопряженія любодѣйныя“, то „преступленія сіи подлежатъ, по силѣ высочайшей резолюціи, на докладныхъ св. синода пунктахъ, состоявшейся 1722 года апрѣля 12-го дня, суду гражданскому“ (1). А по суду гражданскому, любодѣяніе всегда подвергалось наказанію и дѣти, родившіеся отъ любодѣяній никогда не считались законнорожденными.

Что же слѣдуетъ изъ всего сказаннаго для нашей дѣли? То, что, вслѣдствіе непрізнанія властію раскольническихъ, особенно беспоповщинскихъ, заключавшихся

(1) Тамъ же стр. 83—84.

безъ вѣнчанія; браки въ законныя, не только тѣ въ по-
кладательскій Покровской часовни, которые не признавали
принятности безсвятенословныхъ браковъ, но даже и
тѣ, кои были убѣждены въ ихъ (догматической) закон-
ности; могли затрудняться вступленіемъ въ брачныя
сочуженія съ благословенія Емельянова, Сидорова и
под. и вѣнчались нерѣдко въ церквахъ православныхъ—
въ небываніе отвѣтственности предъ закономъ за неза-
конное сожитіе. А такой отвѣтственности можно было
легко подвергнуться не только по какому-либо вѣнча-
нію, независимымъ отъ брачавшихся, причинамъ, но
и по ихъ собственной волѣ— по невольнѣ напр. кото-
раго-либо изъ супруговъ продолжать сожитіе, неупри-
данное закономъ. Чтобы предотвратить, сколько можно,
подобныя неприятели, которые могли навлечь бѣду и
на саму Покровскую часовню, настоятели ея постано-
вили правиломъ—отъ каждой четы, желавшей вступить
въ бракъ по обрядамъ Покровской часовни, требовать
письменнаго клятвеннаго обѣщанія—хранить супруже-
скую вѣрность „вѣчно, вѣрно и неизмѣнно“. Мы имѣ-
емъ подъ руками одно изъ такихъ обѣщаній, данное въ
1798 году іюля 23-го дня московскимъ купцомъ Ваха-
ромъ Феодоровымъ Бронинымъ и дочерью московскаго
купца Татьяною Феодуловою Савельевою, и считаешь
не лишнимъ привести его здѣсь, не только какъ инте-
ресный образецъ свадебныхъ раскольническихъ кон-
трактовъ, но и какъ документъ, свидѣтельствующій о со-
зданіи самою Покровскою часовнею непрочности заклю-
чавшихся въ ней браковъ. „Всемогуцій Богъ; писали
жедашіе вступить въ бракъ въ Покровской часовнѣ
подъ диктовку ея настоятеля, во единствѣ своего непости-
жимаго естества и въ тріехъ впоставахъ, отъ всехъ твари

прославляющій; съесть жебѣти въ бытіе: благоволеніе
привести: водъ видную и невидимую / твари и цотомъ
человѣка: мужа и жену сотворишь: и въ рай жити по-
вели: и всесильною своею властію благословеніемъ
даде, глаголю: размножитесь и наполняйте зем-
лю и господствуйте ей. Но когда человекъ преступи
заповѣдь (своею Творца и Бога и подверженъ учинился
наказанію, извнанаъ бысть изъ рай и землю дѣлати
осужденъ, и притомъ услышалъ гласъ Бога, наизу-
щого мужа: въ потѣ лица своего ясти хлѣбъ: и жей
въ болѣзньхъ родити чада. Осму подверженъ учинился
весь родъ человеческій. Чло мужу имѣть въ помощни-
цу жену, а жей въ попечителя о себѣ мужа, да та-
ковымъ богоблагословеннымъ супружества союзомъ воз-
можетъ человекъ: хранити себя въ богоугодномъ пре-
бываніи и соблюдать чистоту брака въ славу Божию,
по гласу самого Спасителя, — еже убо: Божь сочета, че-
ловѣкъ да не разлучаетъ, — и въ пользу человеческаго
общества, и да освободится отъ безчестія и стыда: жи-
водящаго смертный и душепагубный грѣхъ блудчіяма.
И тако: по Божію благословенію и по святопроче-
му и апостольскому и святыкъ богопреславенныхъ: на-
стырей ученію, и по взаимному: нашему другъ ко другу
самопроизвольному: любовному согласію и: съ: благо-
веніемъ родительскимъ, просяще всещедраго: Владыку
нашею Бога, въичающаго милостию и щедротами: и бла-
гословяющаго родъ человеческій, вступаемъ: мы: Зака-
рій и: Татьяна въ: вѣчное, нерасторженное, законно,
правильно и: истинно: совершенное супружество, кото-
рое и: хранимъ: при помощи Божіей; по: ученію: свято-
потода Павла: чистоту брака и: ложе не: скарто, должны
и: не: протѣжко. Къ: тому: же: супружеству: наше, какъ: бракъ,

заповѣдуема неслоборный, неспорчный, по учению того
же верховнаго Апостола, глаголющаго: аще ли съезди-
шися, не догрянигы еси, и аще нестигытѣ дѣла, не со-
грянигы есь. Посему во всякое время и вездѣ должны
мы наблюдать наше законное бракосочетаніе вѣчно, вѣр-
но и неизмѣнно, безъ всякаго лицензія и отъ прочіихъ
запрѣщій, и ни въ какое время, т. е. въ благодѣтели
и счастья и въ нуждѣ другъ друга не оставлять, но все-
михъ имѣть и претерпѣвать, какъ Божій законъ и
апостольское преданіе и св. отецъ ученіе и гражданскіи
установленія повелѣваютъ. А ежели кто изъ насъ ны-
нѣшнее наше самопроизвольное, а не принужденное,
при отсутствіи прочіихъ и съ благословеніемъ роди-
тельскимъ содѣйствующемъ согласіе пренебрежетъ, или
последуетъ каковому иномудренному мнѣнію или раз-
сужденію, законно произведенный бракъ разрушитъ и
ни во что мнѣнитъ и тѣмъ однимъ другаго въ осердче-
ніе и безчестіе, обиду и печаль, огорченіе и въ сму-
щеніе мыслей умышленно приведетъ, то таковой изъ
насъ подверженъ будетъ гражданскимъ законамъ, а отъ
справеднаго суди всѣхъ Бога да придуть на него вся
азымы, которыя написалъ боговидецъ Моисей пророкъ
во Второзаконіи (гл. 29), въ будущемъ же вѣдѣ да бу-
детъ сужденъ, яко нарушителъ Божіихъ заковъ и презри-
тель святоапостольскаго, пророческаго и божественнаго
учителя преданія и наставленія, и нечестивъ своея
совѣсти и вѣры и честности. И сіа наше рукописаніе
есть и будетъ какъ въ вѣчное укрѣпленіе и утвержде-
ніе, что ради нашихъ руками въ вѣрность и подпи-
суемъ. 1700 года іюля 23-го числа. Московскій купецъ
Захаръ Федоровъ сынъ Вронца, московскаго купца
дочь Татьяна Федукова Федулева. Московскій купецъ

Федоръ Асанидзеъ Бромнъ. Экономическій профессоръ, дружина Никандръ Петровъ свидѣтель былъ и руку приложилъ" (1). Прочитавъ это „клятвенное письмо“, недвѣя не сознался, что давнія его лица не могли нарушить его, не „поправили своей совѣсти, вѣры и честиности“. Но если, какъ свидѣтельствуемъ горькій опытъ, даже между супругами, дающими обѣты взаимной любви и вѣрности предъ алтаремъ Господнимъ—въ присутствіи слугителя церкви, иногда по разнаго рода причинамъ возникаютъ недоумѣнія, кончающіяся нерѣдко разрывомъ семьи,—то что же сказать о послѣдователяхъ Покровской часовни, получившихъ благословеніе на бракъ отъ руки такого же, какъ и они сами, мирянина, большинство которыхъ притомъ воспитано было въ помѣтѣхъ, противорѣчивыхъ законности и святости супружескаго союза? Между подобными лицами, независимо отъ обыкновенныхъ человѣческихъ слабостей, могло происходить нарушеніе супружескихъ обѣтовъ по причинамъ даже уважительнымъ — въ силу религиозныхъ убѣжденій — ложныхъ и даже истинныхъ. Такъ напр. въ случаѣ, если женатому поморцу удавалось послушать разглагольствій какаго-нибудь бракоборнаго еедосѣвскаго начетчика и онъ убѣждался въ минимей невозможности брака въ настоящія послѣднія времена міра,—подобный супругъ могъ разрушить супружескій союзъ, не только не попирая своей совѣсти, вѣры и честиности, а даже думая такимъ поступкомъ угодить Богу. Съ другой стороны стоило любой женѣ покровца, какъ болѣе восприимчивой къ голосу истины, сознать

(1) Пандитъ Глукина, сборн. Публ. библ. М 474, гл. 39. Такое „клятвенное письмо“ подавалось маленькими вступивъ въ бракъ „въ общественномъ собраніи“ покровцевъ.

непривету раскола и объявить желание присоединиться къ св. Церкви, — оставленіе ею мужа, нежелавшаго принять православія; было дѣломъ не только неизбѣжнымъ, но и въ некоторомъ смыслѣ законнымъ, по крайней мѣрѣ допускалось закономъ. Недаромъ же въ въ вышеприведенномъ „дѣявленномъ“ письмѣ“ указывается, какъ на возможную причину къ разрушенію браковъ; заключающихся въ Покровской часовнѣ, на „послѣдованіе“ котораго-либо изъ супруговъ „каковому иномудренному мнѣнію или развращенію“. А исторія прямо свидѣтельствуетъ, что указанная возможность нерѣдко переходила въ дѣйствительность. Такъ, по свидѣтельству писателя „исторіи обновленія цокровскаго молитвеннаго дома“ (1), самъ Мониинъ, по фамиліи котораго Покровская часовня называлась Мониинскою, „оклеветанъ бысть архіереови женою своею, яко-бы сія ему незаконная жена“, хотя она была вѣнчана съ нимъ, по свидѣтельству Любопытнаго, „по обряду поморокой церкви“ (2). И хотя, если вѣрить Любопытному и писателю указанной „исторіи“, Мониинъ при помощи Западскаго успѣлъ доказать митрополиту Платову, что „жена его есть ему точно законная супруга по началамъ таинства брака, хотя и не вѣнчана въ воспоиствующей Церкви пресвитеромъ“, и что слѣдовательно „она отъ союза Мониина отращена быть не можетъ“, — на что будто бы согласился и Св. Синодъ и кончилиъ все это въ пользу Мониина; тѣмъ не менѣе на подобный исходъ дѣла (3) могъ рассчитывать не всякій по-

(1) Рук. публ. библ. № 28 въ сборн. браков. сочиненій.

(2) Катах. Любоп., стр. 53, № 144.

Въ собраніи постановленій по части раскола, состоявшагося по вѣдѣнію Св. Синода, ни на какомъ никакъ дѣлахъ объ этомъ дѣлѣ. А изложенныя выше постановленія Св. Синода, по раск. бракамъ

морещъ. Кроме того, если бы даже, получившія благословеніе на бракъ въ Покровской часовнѣ супруги сами не подавали никакого повода къ взаимнымъ недоразумѣніямъ, — къ неприятностямъ разнаго рода могли привести ихъ обстоятельства стороннія. Такъ наприм., стоило узнать объ ихъ безсвященнословномъ бракѣ приходскому священнику, а чрезъ него и епархіальному начальству, — и тысячи бѣдъ рушились на ихъ невѣдчанныя головы. И вотъ съ цѣлю съ одной стороны сдѣлать свой супружескій союзъ болѣе прочнымъ, съ другой — избавить себя отъ разнаго рода неприятностей, многие изъ покровцевъ, особенно люди бѣдные, которые не имѣли средствъ „утолить алчности никоніанскаго духовнаго суда“, волей-неволей, помимо Покровской часовни, вѣнчались въ церквахъ православныхъ. Что же касается тѣхъ поморцевъ, которые при существованіи Покровской часовни вступали въ брачныя сожитія безъ ея благословенія, по одному взаимному согласію и благословенію родителей, то это — были болѣею частію люди „препростые“, жившіе вдали отъ Москвы, которымъ не по карману было путешествовать въ далекую столицу и платить за внесеніе Скачковымъ именъ ихъ въ „брачную книгу“ — не менѣе 10 руб. (1), и которые по своей неразумной ревности „къ древнему благочестію“ всякое общеніе съ православною Церковію считали грѣхомъ, ересью.

Такимъ образомъ въ разсматриваемое нами время, независимо отъ браковъ Покровской часовни, существовали въ еедосѣвскомъ и поморскомъ расколѣ и другіе

положительно не позволяютъ согласиться съ свидѣтельствомъ Либодытскаго.

(1) Прав. обзор. 1863 г. т. XI, стр. 141.

виды новоженства, и все учение о бракъ выразалось въ жизни заблуждающихъ въ слѣдующихъ формахъ: большинство еедосѣвцевъ и даже поморцевъ продолжало по прежнему преповѣдывать безбрачїе, хотя на дѣлѣ только не многіе изъ мнимыхъ дѣвственниковъ хранили цѣломудріе; затѣмъ нѣкоторые изъ преображенцевъ, убѣжденные въ необходимости брака и считавшіе безсвященнословные браки Покровской часовни незаконными, вѣнчались въ церквахъ православныхъ, очищая себя за это мнимое оскверненіе разнаго рода эпитиміями; другіе болѣе фанатичные—„сходились просто по согласію“; и только немногіе переходили на сторону Покровской часовни и вступали въ брачныя сожитія съ благословеніемъ ея настоятеля. Впрочемъ къ концу жизни, когда страсти утихали и религіозныя стремленія снова выдвигались на первый планъ, брачныя еедосѣвцы нерѣдко бросали своихъ мнимыхъ и законныхъ женъ и дѣлались самыми заклятыми бракоборцами, желая вѣтъ какъ-бы загладить грѣхи своей молодости (1). Тѣ же виды брачныхъ сопряженій, какъ читатель видѣлъ, существовали и у поморцевъ — съ тѣмъ только различіемъ, что брачившихся въ Покровской часовнѣ между поморцами было несравненно больше, чѣмъ между еедосѣвцами, и что у покровцевъ больше уважался бракъ и рѣже случались самовольныя расторженія брачныхъ союзовъ. Изъ слѣдующей статьи будетъ видно, что неопредѣленность и шаткость понятій о бракъ еедосѣвцевъ и поморцевъ не исчезли и послѣ смерти Ковылина и продолжаютъ волновать раскольничій міръ даже въ наше время.

И. Нильскій.

(1) Прав. обзорн. тамъ же, стр. 140.